Буало-Нарсежак
Тайна дуэльных пистолетов
Байяр Ж.
Тайна забытого клада
М.: Совершенно секретно, 1998

Буало-Нарсежак

Тайна дуэльных пистолетов

ОТЕЦ И СЫН СКИННЕРЫ

Франсуа Робьон отстегнул ремень. Это был его первый полет. Когда загрохотали реакторы и огромный лайнер вдруг рванулся вперед, Франсуа даже сжал зубы. А потом он увидел, как за окном постепенно тают здания аэровокзала и внизу, словно на географической карте, появляются автомобильные дороги, железнодорожные пути и разноцветные пейзажи. А потом в иллюминаторе появилось первое облако ярко-белого цвета. Оно медленно проплывало мимо, а за ним плыли другие облака, белые, как айсберги. Это было начало путешествия. Пассажиры устраивались поудобнее, разворачивали газеты. Над средним проходом, таким же широким, как в вагоне поезда, появились первые дымки сигарет.

Над спинками кресел виднелись головы — одни с волосами, другие лысые. Две стюардессы, одетые как билетерши, разносили еду и напитки. Франсуа приготовился к разного рода испытаниям, потому что ему рассказывали о воздушных ямах и вихревых потоках, но, к своему большому удивлению, ничего не почувствовал, даже вибрации корпуса. Салон самолета походил на кинозал в момент перерыва между сеансами. Мальчик был даже немного разочарован. Правда, ему достаточно было только наклониться к иллюминатору, как там, будто на волшебном экране, появлялись чудесные картины. Тому, что он видел, даже невозможно было подобрать названия. В глубине светящегося тумана проплывали цветовые пятна! Светло-зеленое, желтоватое, голубое… Горизонта не было. Не было и неба. Только одна ошеломляющая необъятность.

Сосед Франсуа спал. Неужели так можно? Немного дальше одна дама вязала. Похоже, что на борту самолета только Франсуа понимал, что он летит! Ему хотелось сказать соседям: «Отложите свои мелкие дела, раскройте глаза, ведь с нами происходит нечто необыкновенное!» Однако он и сам не заметил, как постепенно тоже начал привыкать к этой новой обстановке. Он отрегулировал спинку кресла и поставил ее в удобное положение. А по-том подумал, что самолет — это прекрасное место, что-бы мечтать и размышлять. Ты никак не связан конкретным местом нахождения, у тебя свободное время, и мыс-ли твои могут растекаться так широко, как будто они уплывают в безбрежное небесное пространство.

И Франсуа отдался мыслям. Он вспомнил огромный зал аэропорта Орли[1], где мать все время повторяла ему: «Напиши нам хоть одно слово. Мы не просим подробного письма. Только открыточку, чтобы мы знали, как проходит твое путешествие». А отец снова рассказывал ему о Джонатане Скиннере. «Это очень любопытный человек и на редкость талантливый инженер. Он живет как будто в другом мире. Кроме своих изобретений, он интересуется только сыном. Надо признать, что на него свалилось немало несчастий. Он потерял жену. И, кроме того, у него очень трудная профессия. Он прекрасный человек, он тебе понравится. А еще у него оксфордский акцент! Так что открывай пошире уши!»

Франсуа был совсем не против такой системы изучения языка. Ты не ходишь на уроки, тебе не дают никаких домашних заданий. Просто путем разговора с людьми, обсуждая с ними самые повседневные вещи, ты постепенно превращаешь свой книжный английский в живой разговорный язык. Интересно, а у Боба, сына господина Скиннера, тоже оксфордский акцент? В прошлом году, когда Боб приезжал на месяц к Робьонам, он так стеснялся, что вообще почти не разговаривал. Ему было велено все время разговаривать по-французски, а он не очень был уверен в своих знаниях. По-этому в разговоре он ограничивался только выражениями вроде «да… нет… спасибо… пожалуйста… конечно». И по всякому поводу краснел. Это был толстый, неспортивный мальчик, отличавшийся завидным аппетитом, что приводило в восторг семью Робьонов. Может быть, он был не очень умный, но такой милый и сердечный, что его все сразу полюбили. Франсуа, конечно втихую, научил его жаргону, которым пользуются все французские школьники, и к концу

---

[1] Аэропорт в Париже (*Здесь и далее примечания переводчика*)

своего пребывания Боб уже умел к месту сказать с забавным акцентом в стиле Лоурела и Харди[2]: «Чертовски здорово!», «Это классно!», «Порядок!»

Взгляд в иллюминатор — уже Ла-Манш! Французский берег остался голубой полосой вдоль серого моря, и Франсуа поразился, насколько точно это воспроизводят атласы и карты. Он мог бы даже назвать порт, который сверкал далеко внизу стеклами заводов, нефтяными резервуарами и рельсами сортировочных станций. Но вот землю закрыл слой облаков. Это было потрясающее зрелище! Во все стороны простиралась подернутая дымкой равнина, а на ней — мягкие, сверкающие белизной поля, так похожие на французскую область Бос[3]. То там, то здесь облака разрывались и через них, ниже уровнем, были видны другие облака, связанные между собой как бы белыми нитями. А потом начался туман, и «Каравелла»[4] ощупью, издалека начала снижение. Франсуа снова погрузился в свои мысли.

Конечно, он был рад съездить в Лондон, но не начнет ли он скучать, когда пройдут первые неожиданности и радости? Господин Скиннер вдов и весь день проводит в своей мастерской. Прожить целый месяц в обществе Боба и гувернантки, старенькой госпожи Хамфри, — не чересчур ли это? Памятники, музеи, все это, конечно, хорошо, но он уже прочитал путеводители и считал, что узнал достаточно… Вот если бы Скиннеры жили в Шотландии! Франсуа так хотелось побегать по песчаной равнине и погоняться за форелью! А потом, в деревне всегда что-нибудь случается. После своих предыдущих приключений[5] мальчик мечтал раскрыть еще какую-нибудь тайну! Но, увы, тайны существуют в основном в книгах. Может быть, помогут автоматы господина Скиннера?

Франсуа узнал от отца, что инженер Скиннер изобрел способ управлять механизмами с помощью голоса. Вернее, он довел до полного завершения ранее открытый способ и создал миниатюрные модели, на основе которых он намеревался наладить производство «умных вещей». Он был уверен, что они будут иметь огромный успех. Но недоверчивый господин Робьон, не вникая в подробности дела, считал, что вряд ли инженеру так повезет и что, скорее всего, ему не удастся покрыть продажей этих игрушек своих расходов по производству. Франсуа решил поинтересоваться, как управляются эти игрушки. Он сам был очень изобретателен и уже сумел собрать несколько маленьких моделей, получивших высокую оценку. Может быть, он даже сможет оказать инженеру посильную помощь?

Ему пришлось прервать свои мечты, так как надо было снова пристегивать ремень. Женский голос объявил, что самолет прибывает в аэропорт Хитроу[6]. Зажглось табло, пассажиров просили не курить. «Каравелла» вышла из облаков, и по иллюминатору застучали капли дождя. Совсем рядом с посадочной полосой Франсуа разглядел промелькнувшие на большой скорости поля и деревни, очень напомнившие ему Нормандию. Это была уже Англия!

«Да, это Англия», — думал Франсуа. Самолет шел на посадку. При прикосновении к земле его тряхнуло. Теперь все. Вот и завершилось так радовавшее Франсуа путешествие.

Самолет тяжело полз по неровному бетону. «Как самый обычный автобус»,—разочарованно подумал Франсуа. Потом самолет подрулил к проходу с навесом, похожему на коридор метро. В общем, это было почти как продолжение Парижа. Хотя были и различия. Например, толпа, собравшаяся внутри аэровокзала, казалась более пестрой, чем в Орли. Пассажиры вели себя тихо и дисциплинированно. Все они спокойно ехали по эскалатору под равнодушным присмотром персонала.

Франсуа прошел все необходимые формальности, все время напрягая слух, чтобы уяснить себе, понимает ли он английскую речь. Он учил язык по системе «Ассимил» и мог читать уже довольно хорошо. Но все же его беспокоило, сможет ли он понимать фразы, брошенные на лету. И еще он боялся, какую оценку даст его знаниям господин Скиннер.

---

[2] Знаменитые американские актеры-комики, выступавшие в 30—50-х годах нашего века. Они исполняли на разных языках песни и скетчи в особой форме скороговорки, ставшей популярной во многих странах.

[3] Область илистых полей между г. Шартр и Орлеанскими лесами, район зерновых культур.

[4] Тип французского пассажирского реактивного самолета.

[5] Об этих приключениях читайте в книгах Буало-Нарсежака «Тайна человека с кинжалом» и «Тайна невидимого убийцы».

[6] Главный международный аэропорт Лондона.

Все его опасения остались далеко позади, как только он увидел упитанного Боба. Первые минуты разговора были очень забавными, потому что господин Скиннер и Боб заговорили по-французски, а Франсуа по-английски. И кроме того, разговор растворялся в шуме толпы, покидающей Хитроу. Наконец, они остановились, замолчали, посмотрели друг на друга и все трое дружно рассмеялись.

— Поскольку вы приехали совершенствовать ваш английский, — сказал господин Скиннер, — договоримся, что будем пользоваться французским только в особо торжественных случаях. Добро пожаловать в Лондон!

Господину Скиннеру было не более сорока. Он был стройный, живой — абсолютная противоположность своему сыну. Морщинки в углах глаз создавали впечатление, что он улыбается. Он схватил чемодан Франсуа и позвал такси.

— Когда есть возможность, — пояснил Боб, — отец старается обходиться без своей машины.

Подъехало одно из тех странных лондонских такси урезанной формы, в которых багаж размещается рядом с водителем. Господин Скиннер сел между Бобом и Франсуа и непринужденно положил им руки на плечи. Поинтересовался, что нового у родителей Франсуа и приятно ли прошло путешествие. Он старался говорить медленно, чтобы Франсуа лучше его понимал. Лед растаял, и Франсуа был полон оптимизма.

— Мы живем в северо-западном пригороде. Этот район называется Хейслком. По прямой это недалеко, но мы специально сделаем крюк, чтобы немного показать вам город.

— С удовольствием, — сказал Франсуа, — я уже много прочел о Лондоне.

— Он всегда уже все прочел, папа, — вмешался в раз-говор Боб. — Без Козыря всезнайка.

— Без Козыря? — спросил господин Скиннер, — Что это значит?

— О! Это такое прозвище мне дали в школе, — ответил Франсуа. — У нас был преподаватель, который все время повторял, что в жизни должен быть порядок и что порядок — это лучший козырь. Но поскольку у меня никогда не бывает порядка…

— …вас прозвали Без Козыря, — закончил фразу господин Скиннер . — Это очень забавно.

— Да, но есть еще и другая причина! — вскричал Боб. — Можно я скажу?

— Нет, нет, — возразил Франсуа. — Во-первых, это неправда!

— Франсуа, — продолжал Боб, — личность исключительная. Он все знает. Понимаешь, это как если бы он, играя в карты, всегда выигрывал, даже не имея козырей. Он первый во всем! И это правда.

Боб явно гордился другом.

— Не слушайте его, — сказал смущенный Франсуа. — Мне иногда просто везет.

— Я рад, что вы с Бобом друзья, — сказал господин Скиннер. — Научите его использовать свои знания. Потому что, к несчастью… Мы едем вдоль Гайд-парка. Справа, на берегу Темзы, — здание парламента. Боб вам как-нибудь его покажет. Сейчас мы объедем площадь Пиккадилли-Серкус, а потом проедем по Трафальгар-скверу.

Франсуа не терпелось спросить.

— Я не хотел бы быть нескромным, — начал он, — но я узнал от Боба о ваших автоматах.

— А! — Господин Скиннер улыбнулся. — Значит, мои автоматы вас заинтересовали?

— Очень!

— Я покажу вам мою коллекцию.

— Они двигаются по принципу управления на расстоянии?

— Конечно. Но я добавил в программу одну деталь… Это не так просто объяснить словами. Сигналом для моих автоматов служит голос.

Боб постучал рукой по колену Франсуа.

— Смотри, это площадь Пиккадилли-Серкус, — сказал он.

Франсуа увидел шумную толпу, очередь застрявших машин, и этот вид напомнил ему площадь Опера в Париже. Но это было куда менее интересно, чем автоматы господина Скиннера.

— Я где-то читал, — сказал он, — что похожая система применялась для сейфов.

— Боб прав, вы все прочли, — заметил господин Скиннер. — Действительно, мой принцип устройства немного напоминает тот, о котором вы говорите, но он более прост и, кроме того, механизм меньше по размеру. Он поместится в спичечной коробке. Я говорю, конечно, о главной

части механизма, о его «мозге». К этому, естественно, добавляются средства передачи. Но я не хотел создавать просто автоматы…

Он нервно закурил сигарету. Как только господин Скиннер заговорил о своем изобретении, уголок его рта начал подергиваться, что выдавало его внутреннее напряжение.

Боб решил отвлечь внимание Франсуа и сказал:

— Это Трафальгар-сквер.

Франсуа увидел знаменитую колонну Нельсона и толпу хиппи, сидевших вокруг фонтана. Один из них играл на гитаре. Дождь уже прекратился, и солнце вяло раскладывало по земле бледные тени. Полицейский, заложив пальцы за пояс, рассеянно наблюдал за толпой. Очарованный Франсуа дал себе слово снова сюда вернуться. В этот момент такси выехало на широкий проспект.

— Это Черинг-кросс, — объявил Боб.

— Я решил заняться моими моделями в чисто воспитательных целях, — снова заговорил инженер. — Сейчас у нас пропала чистота языка. Говорят кое-как. Диалект кокни можно услышать даже в палате представителей. И вот, представьте себе, автоматы, которые реагируют только на приказы, даваемые на чистом английском. Понимаете? Это идеальный способ игрой помочь изучению языка.

— Если я правильно понимаю, — с энтузиазмом проговорил Франсуа, — вы можете запрограммировать ваши автоматы на любой язык?

— Конечно.

— Им можно давать ограниченное количество приказов?

— Вы заблуждаетесь. Вначале действительно список приказов был небольшой. На этом деле я долго буксовал.

Господин Скиннер закурил вторую сигарету. Его голубые глаза блестели от возбуждения. Он нежно обнял сына за шею и сказал:

— Вот видишь, Боб, твой друг сразу понял смысл моих исследований. А тебе они кажутся такими скучными!

— Они не кажутся мне скучными, — запротестовал Боб. — Но тебя никогда нет дома. А когда ты дома, то даже не слышишь, когда к тебе обращаются. Спроси госпожу Хамфри.

— Из-за этого мы всегда ссоримся! — весело сказал инженер. — Госпожа Хамфри — это наша гувернантка. Она не очень любит моих кукол. Мне даже кажется, что она их боится. Но вернемся к предмету нашего разговора. Должен признаться, пришлось много поработать, и в итоге мне повезло. Прежде всего, удалось значительно расширить магнитную «память» моих автоматов. Кроме того, и это главное, я значительно удлинил фразу, которая служит им сигналом. Например, вместо «идите сюда», теперь я произношу: «Не хочет ли мсье Том доставить мне удовольствие подойти сюда?»

— Понимаю, — сказал Франсуа. — Вы заставляете собеседника кукол говорить длинными фразами, чтобы играющий тщательнее выговаривал слова и не делал ошибок в произношении. Ваш автомат… — Он поискал подходящее слово по-английски, но, не найдя его, закончил французским выражением: — Приносит пользу.

— Да, — оказал инженер. — Том, например, лучший из моих автоматов, способен поддерживать несложный разговор, и результат получается поразительный.

— Так он еще обладает и способностью говорить?

— Конечно. Я записал голос Боба.

В ответ Боб проворчал:

— Это не мой голос. Он гнусавит, как заезженный патефон.

— Подожди, мой мальчик, — сказал господин Скиннер, — играй по правилам. Знаете, дорогой Франсуа, Боб немного ревнует меня к Тому. Конечно, это правда, что я часто больше занимаюсь Томом, чем моим бедным Бобом. Но сейчас я подхожу к завершению работы, и все войдет в норму. — Он легко похлопал по колену сына. — Обещаю тебе это! А сейчас едем домой!

Он опустил стекло, отделяющее пассажиров такси от водителя, и прошептал тому на ухо несколько слов. А потом обратился к Франсуа:

— Это, конечно, не ваше Нейи[7], но все-таки это очень привлекательный район. Может быть, немного удаленный. Боб предпочитал бы, чтобы мы жили не так далеко, но мне для работы нужна спокойная обстановка. Не подумайте, конечно, что мы живем, как отшельники. Правда ведь, Боб? Сегодня вечером, например, если вы не очень устали, мы пойдем на концерт в Фестиваль-холл, Боб говорил мне, что вы любите музыку. Сегодня дирижирует Караян[8]. К сожалению, в последующие дни я не смогу бывать с вами часто, извините меня. Мне предстоят важные переговоры.

Улицы с одинаковыми домиками и палисадниками монотонно следовали одна за другой. Потом показались богатые, окруженные яркой зеленью виллы. Такси повернуло на частную дорогу, и Франсуа увидел в конце каштановой аллеи прекрасный дом.

— Мы приехали, — сказал господин Скиннер. Франсуа и Боб вышли из машины.

— Как здесь прекрасно! — сказал Франсуа. — Птицы поют. И столько зелени!

В этот момент перед ними появилась немолодая дама, одетая в черное.

— Это мой друг Франсуа, — сказал Боб. — А это госпожа Хамфри.

Гувернантка сдержанно приветствовала мальчика и взяла чемодан из рук господина Скиннера.

— Ну что же, — сказал хозяин. — Выбирайте: или через четверть часа мы садимся за стол, потому что госпожа Хамфри беспокоится, что сгорит жаркое, или же мы сразу нанесем визит моим автоматам.

— Пожалуйста, не задерживайтесь там долго, — попросила гувернантка.

— Вот видите, — весело сказал инженер, — госпожа Хамфри сразу угадала, что вы выберете автоматы. Пошли!

Они пересекли широкий вестибюль, который украшала старинная мебель, и пошли по коридору. Он вывел их в комнату совершенно непонятного назначения. Она походила на кабинет, так как в ней стояли книжные шкафы и огромный стол, заваленный бумагами, папками и книгами. Два окна выходили в сад. Похоже, что комната служила одновременно и мастерской, На верстаке располагалась масса мелких инструментов, похожих на те, которыми пользуются часовщики, В отдельной витрине были выставлены автоматы.

— Вот и господин Том, — сказал инженер.

И он показал Франсуа на маленького мальчика, одетого в школьную форму, ростом около пятидесяти сантиметров. Лицо автомата было блестящим, как у кукол, но выполнено более натурально. Взгляд был слишком острым. Он напоминал взгляд взрослого, который хитрит и старается скрыть свою проницательность под ребячливой маской. Волосы были длинные и спутанные, как у «свободного студента». Рот слегка приоткрыт, и в нем виднелись зубы — совсем как настоящие. Левую руку кукла держала в кармане брюк, а в правой были очки в толстой оправе. Настоящий интеллектуал!

Господин Скиннер расчистил угол стола и поставил на него куклу-автомат. А потом отступил на несколько шагов.

— Вы согласны, что он мне удался? — спросил инженер. — Но это еще не все. Вы увидите. — И он уважительным тоном обратился к автомату: — Господин Том, хорошо ли вы спали? Готовы ли вы к работе со мной?

— С удовольствием, — ответила кукла.

Франсуа подскочил. Он услышал голос, очень похожий на голос Боба, но только он шел издалека, как будто бы из телефонной трубки. Медленным жестом автомат поднес к глазам очки.

— Потрясающе! — прошептал Франсуа.

— Пока все, господин Том, — сказал инженер. И пояснил мальчику: — Эта фраза — ключ к концу разговора, она переводит механизм на ноль.

Пока он говорил, автомат опустил руку вниз и снова принял позу ожидания.

---

[7] Богатый район Парижа, известный своими парками.

[8] Герберт Караян (1908 — 1989) — выдающийся австрийский дирижер, Возглавлял Венский, Берлинский филармонические оркестры, Венский оперный театр, театр Ла-Скала, инициатор ряда музыкальных фестивалей.

— Попробуйте вы, Франсуа. Только старайтесь четче выговаривать слова.

— Господин Том, — сказал Франсуа. — Хорошо ли вы спали? Готовы ли вы к работе со мной?

Автомат не двигался. Господин Скиннер улыбнулся.

— Вот вам и доказательство, мой дорогой Франсуа. Вы произносите гласные на французский манер, и господин Том вас не понимает.

Боб потянул отца за рукав.

— Папа, госпожа Хамфри беспокоится. Жаркое может сгореть.

— Ах, действительно, — с сожалением произнес господин Скиннер. — Пошли обедать, раз этого так хочет госпожа Хамфри.

Он вернул куклу-автомат на ее место в витрине по соседству с солдатом королевской гвардии в парадной форме и судьей в старинном парике. Потом инженер вынул из кармана связку ключей, открыл ящичек со стальной крышкой и вынул оттуда папку в красной обложке.

— Здесь результаты пятилетних исследований, — сказал он, хлопнув рукой по папке. — Пять лет поисков, ошибок и успехов. У меня бывали тяжелые моменты. Ладно, хватит об этом. Пошли за стол.

Он поставил папку в шкаф, закрыл его, взглянул на часы и произнес недовольным тоном:

— Извините, Франсуа, я не думал, что уже так поздно. Я буду вынужден оставить вас еще до конца обеда. У меня назначена одна встреча, о которой я чуть было не забыл.

Он подтолкнул обоих мальчиков к двери, и они вошли в богато обставленную столовую, обшитую потемневшим от времени деревом. Господин Скиннер посадил Франсуа справа от себя на стул с высокой спинкой.

— Видите ли, Франсуа, изобрести — это далеко не все. Я бы даже сказал, что это самое простое. Что действительно трудно, так это суметь продать изобретение, добиться успеха в борьбе с конкурентами. Я ведь не один работал над изобретением таких автоматов. Я немного опережаю остальных и должен стараться не потерять это преимущество.

Он не просто так рассказывал о конкуренции. В его словах чувствовалось беспокойство. Франсуа это отметил и постарался перевести разговор на другую тему. Но господин Скиннер оставался рассеянным. Что же касается Боба, тот вообще не отличался разговорчивостью.

Госпожа Хамфри обслуживала их внимательно, но сдержанно. «Да, вот чего не хватает этому скучному обеду, — подумал Франсуа, — так это хозяйки дома. Бедному Бобу должно быть невесело!»

Господин Скиннер не дождался десерта. Он встал и протянул руку Франсуа.

— Я убегаю. Меня ждет господин Меррил, финансирующий мою работу. Часам к пяти я вернусь. Концерты у нас начинаются раньше, чем во Франции. До вечера!

И он вышел.

Госпожа Хамфри подала сливовый пирог и молча начала разрезать его на куски. Мальчики остались одни. В этот момент им казалось, что они совсем чужие друг другу и что их свел просто случай.

— Послушай, бери пирог сам, — прошептал Боб. — Обычно им угощает отец, это наш семейный ритуал. Но с ним что-то случилось некоторое время тому назад. Я не знаю, что именно. Может быть, он поссорился с мисс Маргрейв…

— А кто это?

— Разве я тебе о ней не говорил? Это его невеста, осенью они поженятся. Она хорошая. Госпожа Хамфри тоже ее принимает, но она вообще, если ты заметил, очень строга. Когда я ее вижу, то всегда думаю: что же это я сделал не так?

Он улыбнулся и добавил по-французски:

— Это не всегда смешно!

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Момент неловкости прошел, и Боб снова вернулся в нормальное состояние. Он проводил Франсуа в его комнату на втором этаже.

— Мы должны были бы начать отсюда, — сказал он. — Но папа стал просто невозможным из-за своих кукол-автоматов. У него в голове только они. Тебе нравится комната?

Да, комната Франсуа очень понравилась. На стенах веселые обои с рисунком, изображающим всадников, берущих препятствия. Кровать старинная, бархатные занавеси подхвачены лентами с двух сторон, кожаные кресла, удобные даже на вид. Мальчик открыл обвитое плющом окно и вдохнул воздух, пропитанный дождем и черноземом. Ветер разогнал облака, и влажные аллеи сада слегка дымились от солнечных лучей.

— Ты увидишь, что наш сад типичен для хозяина-ученого, — сказал Боб. — В нем растут только сорняки. Раньше садом занималась госпожа Хамфри. У нее больные вены на ногах, она едва ходит и уже с трудом справляется с делами по дому.

Он облокотился на подоконник рядом с Франсуа.

— Когда мой отец женится, я надеюсь, что все войдет в норму. Мисс Маргрейв хорошая, ты увидишь. Она живет одна в Гилфорде, в часе езды от нас, и часто приезжает.

Минуту он молчал, а потом, прогнав осу, которая пыталась влететь в комнату, сказал тихим голосом:

— Я был совсем маленьким, когда умерла моя мама. Я ее не помню. Я знаю, что с мисс Маргрейв все будет по-новому, но это будет лучше, чем было до сих пор. Мы наймем садовника. Папа хочет построить лабораторию в глубине парка позади дома. У него большие планы. Мой папа не такой, как все. Он живет, глядя вперед… Хочешь посмотреть другие комнаты? Я должен тебя предупредить, что они наполовину пустые. Папа вынужден был многое продать, потому что на его исследования требовались деньги.

Он увлек за собой Франсуа и, показав ему коридор, добавил:

— А вот здесь папина комната. Потом идет моя, за ней комната госпожи Хамфри, а против нее — вторая комната для гостей. Там ничего интересного. Но сейчас ты увидишь салон, это очень любопытно.

Мальчики спустились вниз, и Боб открыл дверь.

— Вот наш музей!

У Франсуа буквально глаза разбежались. Он сделал несколько осторожных шагов, опасаясь ступать на покрывавший пол прекрасный персидский ковер. Вокруг было множество изящных вещей из лака, нефрита, слоновой кости с чеканкой и инкрустациями. Чувствовалось, что вещи тщательно отбирались.

— Мой дедушка был консулом, — объяснил Боб. — Он занимал высокие посты в разных странах и привез множество вещей. Посмотри, вот это столик для курильщиков опиума, тут же чаши и трубки. Вот молитвенник из Бомбея. Здесь развешено оружие. Есть даже бумеранг. А что ты скажешь по поводу этой сабли самурая?

Боб ловко скользил между низкими столиками, заставленными самыми разными предметами, и показывал то шахматную доску с выточенными фигурами, то шкатулку со старинными кольцами.

— Бедная госпожа Хамфри! Представляешь, когда ей приходится здесь убираться? Знаешь, что мне нравится здесь больше всего? Вот это!

Он взял со стола плоскую коробку и открыл ее. В ней лежали два тщательно вычищенных пистолета с длинными дулами.

— Это пистолеты для дуэли, — объяснил он. — Они, конечно, не новые. Я их сам чищу. Подержи их. Удивительно легкие, правда?

Франсуа поднял пистолет и шутя прицелился в маску из Африки.

— Вообще ими можно пользоваться, — сказал Боб. — В коробке есть даже пули. Посмотри, как я с ними управляюсь.

Он очень ловко зарядил один из пистолетов, но, услышав шаги в столовой, забеспокоился.

— Это госпожа Хамфри, — прошептал он. — Она не любит, когда я бываю здесь.

Он убрал пистолеты обратно, быстро положил коробку на место и вернулся в центр салона. Когда гувернантка появилась в дверях, он с невинным видом говорил своему другу:

— Сюда никто никогда не заходит. Гостей папа не принимает. Ведь это правда, госпожа Хамфри?

Гувернантка бросила на него строгий взгляд.

— Время пить ваши капли, — сказала она. — Я уже все приготовила.

— Хорошо, мы идем.

— Ты болен? — спросил Франсуа, когда гувернантка ушла.

— Да нет, просто доктор вбил себе в голову, что мне надо похудеть.

В кухне Боба ждал полный стакан розоватой жидкости. Он открыл буфет и взял большой кусок пирога. Потом сказал со смехом:

— Это чтобы заесть.

Он выпил залпом весь стакан и вонзил зубы в пирог.

— Какая гадость! Пошли, я покажу тебе гараж.

Часть гаража была превращена в мастерскую. На заляпанном краской столе стояло сложное металлическое сооружение в виде системы колес, а рядом с ним — материал для паяния.

— А где же машина? — спросил Франсуа.

— Большую часть времени она стоит во дворе, потому что в гараже для нее не осталось места. Скоро эти автоматы до того заполонят дом, что нам самим придется переезжать в гостиницу. Я очень люблю наш маленький «моррис»[9]. Я уже научился водить, меня учила мисс Маргрейв. Как только достигну нужного возраста, сдам экзамены и получу права. А ты умеешь водить машину?

— Нет, — признался Франсуа.

— Тогда я буду тебя учить… Подожди!

Гравий аллеи шуршал под чьими-то ногами. Мальчики вышли из гаража и увидели человека, направлявшегося в сторону площадки перед входом в дом. На нем был габардиновый плащ, стянутый в поясе. Пышная светлая борода и свисающие усы скрывали нижнюю часть его лица, а шляпа с опущенными полями прикрывала глаза.

— Господин Скиннер у себя? — спросил незнакомец.

— Нет, отец вернется только к вечеру.

— Ах, как это некстати!

Незнакомец снял шляпу, разгладил отсвечивающие рыжиной волосы и с сомнением поглядел на дом.

— Вы можете ему позвонить, — предложил Боб.

— О нет! Это не телефонный разговор.

— В таком случае, я сожалею.

Похоже, этот человек не собирался уходить. Он недоверчиво рассматривал Боба. Потом внимательно посмотрел на Франсуа, как будто подозревая, что мальчики лгут.

— А что, если я ему оставлю записку? — спросил он. — Но мне нечем писать. Дайте лист бумаги и карандаш.

Говорил он хриплым голосом. Боб глазами попросил у Франсуа совета. Франсуа пожал плечами.

— Ну что ж, входите, — неуверенно произнес Боб.

Конечно, этот человек не был приглашен ни в салон, ни даже в кабинет. Боб просто открыл дверь в столовую.

— Останься с ним, — шепнул он Франсуа.

Человек сел и начал играть пальцами по столу. Он явно размышлял. Франсуа заметил, что его скулы покрыты веснушками, брови шелковистые, ресницы почти белые, а глаза слишком светлые. Словом, он походил на скандинава.

Вернулся Боб и положил перед незнакомцем блокнот и ручку. Чтобы не мешать, мальчики отошли в угол комнаты, стараясь, однако, не упускать из виду этого непонятного человека, который морщил лоб, размышляя над листом бумаги. Тот написал несколько слов, зачеркнул их и

---

[9] Марка легковых автомобилей, выпускаемых в Великобритании.

начал снова. Возможно, он предпочитал бы остаться в комнате один. Потом сердитым жестом вырвал лист из блокнота, смял его и положил в карман.

— Я вернусь завтра, — буркнул он, поднимаясь со стула.

Боб подошел к нему.

— Пожалуйста, скажите ваше имя.

— Незачем. Господин Скиннер меня не знает. Я приду снова. Может быть, следующий раз мне повезет.

На пороге он остановился и бросил взгляд в кабинет, дверь в который Боб по забывчивости оставил открытой. Потом надел шляпу и вышел, сопровождаемый Бобом.

— Странный человек, — сказал, вернувшись, Боб. — У него какой-то забавный акцент. Как-то я слышал разговор одного ирландского фермера, так это было что-то похожее. А ты заметил, как он все разглядывал? Видимо, это еще один изобретатель. Они все ненормальные.

— Боб, не говори так о своем отце!

— В том-то и дело, что это относится к моему отцу тоже. Человек он прекрасный, может, даже гениальный, но — не от мира сего.

Мальчики прыснули от смеха.

— Так говорит мой преподаватель по математике, — снова начал Боб. — Вот ты, пожалуй, тоже «не от мира». Ты из таких же людей, как мой папа. Пошли посмотрим на господина Тома.

Они вернулись в кабинет, и Боб взял из витрины куклу.

— А тебе это разрешают? — спросил Франсуа.

— Мы же с тобой не делаем ничего плохого! Правда ведь, господин Том? Хорошо ли вы спали? Что меня ужасно раздражает, так это его манера насмешливо поглядывать на все вокруг.

Боб плюхнулся в единственное кресло и глубоко вздохнул. .

— Как подумаешь, что на эту штуку потрачены миллионы! Я повторяю то, что говорит папа. Возможно, мы разбогатеем. Понимаешь? У мисс Маргрейв большое состояние, а мой отец самолюбив. Он не хочет ни от кого зависеть. Ну скажи, кто захочет заплатить миллионы, чтобы просто поболтать с господином Томом? Если бы ты только слышал, какие у отца планы! То он решает построить завод, то вдруг начинает вести дела с американцами. Скажи, ты тоже живешь на другой планете?

— Хотел бы, — со вздохом ответил Франсуа.

— А я нет. Я больше похож на мою мать. Я люблю стабильность и верность. Бывают дни, когда мне просто нехорошо делается от этих автоматов.

Он вскочил на ноги.

— Я слышу наш «моррис».

Боб быстро поставил обратно в витрину господина Тома и увлек за собой Франсуа навстречу отцу.

— Папа, к тебе приходили.

Он описал незнакомца. Господин Скиннер развел руками.

— Не представляю, кто это мог быть, — сказал он. — Однако не будем ломать голову, раз он все равно вернется. Госпожа Хамфри, где вы? Нам хотелось бы выпить чаю!

Он взял Франсуа за руку.

— Мой милый мальчик, я не знаю, чем вы в жизни хотите заняться, но я вам не советую выбирать дело вроде моего. Люди ничего не понимают, и постоянно надо все пробивать. Ах, как бы мне хотелось чаю! Боб, пойди помоги госпоже Хамфри.

Он снял плащ и повесил его на вешалку. Потом обратился к Франсуа:

— Проходите вперед, господин Без Козыря. Знаете, мне нравится ваше прозвище. Я думал о нем, возвращаясь домой. Оно бы очень подошло и мне тоже. У меня на руках прекрасные карты, и я стараюсь выиграть лучшую партию.

Госпожа Хамфри подала чай.

— Боб, ты другим оставишь немного пирога?

Франсуа думал, что он попадет в традиционный английский дом, хозяева которого чопорны и скучноваты.

Но Скиннеры его просто ошеломили. Он себя прекрасно чувствовал как с Бобом, так и с его отцом. Мальчик разглядывал худые руки господина Скиннера с длинными, очень тонкими

пальцами, все время находившимися в движении. Они абсолютно соответствовали его беспокойному, живому уму, в то время как мягкие, полные руки Боба свидетельствовали о чистосердечии его натуры.

«Говорят, какой отец, такой и сын! Это не так, — думал Франсуа. — Не исключено, что Боб сознательно не хочет походить на своего отца. Между ними должен быть скрытый конфликт».

В кабинете зазвонил телефон, инженер извинился и вышел. Дверь осталась открытой, и мальчики слышали его голос.

— Я абсолютно спокоен, — пробормотал Боб. — Как только мы куда-нибудь соберемся, всегда находится желающий с ним встретиться.

— Алло! Говорите громче! Это вы, Меррил? Я вас не узнал. Что? Я снова должен вернуться к вам для разговора? Сейчас? Нельзя ли это немного отложить? Я же вам только что говорил, что должен везти детей на концерт. Я вас очень плохо слышу.

— Что я тебе говорил? — бросил Боб.

Он доел последний кусок пирога и облизал сладкие сливовые капли на пальцах.

— А вы не можете рассказать это по телефону? Хорошо, через час. Раньше я прибыть не смогу. Я только что вернулся. Спасибо.

Когда господин Скиннер вернулся, у него был усталый и унылый вид.

— Что он хочет от меня? Мне очень неприятно, дорогой Франсуа. Я уже рассказывал вам, что господин Меррил финансирует мою работу. Вы его, наверное, увидите. Это очень приятный человек. Но поскольку у него много денег, он думает, что все должны ему подчиняться. Я не должен жаловаться, потому что он подписал со мной прекрасный контракт. Только контракты — это как наручники. Вы связаны, вы потеряли свободу. Господин Меррил хочет снова видеть меня, значит, я обязан вернуться, отложив все другие дела. Ну что же, я скоро поеду к нему. Давайте без спешки допьем чай.

— На концерт не идем? — спросил Боб с напускным безразличием.

— Почему же! Я вас довезу на машине. Остаться с вами я не смогу. Но вы достаточно большие, чтобы вернуться домой самостоятельно. Вы возьмете такси.

Господин Скиннер выпил вторую чашку чая.

— Следите за часами, и когда надо будет ехать, извлеките меня из кабинета в приказном порядке.

И он быстро вышел.

— Господин Меррил, — зло сказал Боб. — Вечно этот господин Меррил!

— Он что, банкир? — спросил Франсуа.

— Совсем нет. Он делает холодильники. Но он их производит на конвейере завода, огромного, как здание вокзала. И вот увлекся автоматами и собирается наладить их серийное производство. Я видел его рекламные проспекты: «Аудиовизуальные изобретения, доставляющие радость!» Представляешь? Мне это совсем не смешно! Госпожа Хамфри, пожалуйста, еще что-нибудь осталось? Принесите нам тостов. Спасибо!

— Так надо радоваться, — сказал Франсуа.

Боб взял кусок сахара, разгрыз его и продолжил размышления:

— Конечно. Вроде надо радоваться. Но знаешь, когда я вижу, как отец тратит последние силы на производство этих игрушек… Нет, здесь что-то не так. Я не смогу тебе этого объяснить, но я чувствую. Понимаешь, получается, что мой отец в чем-то больше ребенок, чем я.

Госпожа Хамфри принесла полную тарелку жареных хлебцев.

— Клади себе, — сказал Боб.

— Ты слишком много ешь, — заметил Франсуа.

Боб пожал плечами.

— Так говорит и врач. Он мне сделал на эту тему целый доклад. По его мнению, ожирение связано с психикой. Ну и что? Я не жирный, я толстый, а это не одно и то же!

Он старательно намазал хлебец маслом, а затем положил на него мед.

— Шотландский мед! Пахнет поляной! Часы пробили шесть.

— Похоже, надо уже собираться, — сказал Боб. — Я знаю отца. Когда он погружается в свои записи, вытащить его оттуда… — Он поискал французское слово. — …трудновато!

— Я должен переодеться? — спросил Франсуа.

— Нет. У нас рано начинают спектакли и концерты, чтобы люди могли успеть после работы. Так что никто особенно не наряжается.

— Отец разрешает тебе одному ходить в театр?

— Когда угодно! Мне ведь, старик, пятнадцать!

Прежде чем встать из-за стола, он еще раз облизал ложку с остатками меда. Потом мальчики постучали в кабинет.

— Папа!

Господин Скиннер открыл дверь. Он держал в руке очки, как автомат Том. Взгляд его был еще где-то далеко. Франсуа заметил на столе красную папку и целую гору листков с заметками. Боб, чисто выговаривая фразы, произнес:

— Господин Том, хорошо ли вы провели день? В состоянии ли вы поехать с нами?

Господин Скиннер поддержал игру и ответил, подражая автомату:

— С большим удовольствием.

Потом он улыбнулся, обнял сына за шею и дружески потряс его.

— А вы, Без Козыря, тоже подсмеиваетесь над своим отцом? Боб никого не уважает, он просто держит нос по ветру. Все! Пошли.

Он сложил свои бумаги в папку и завязал тесемки. Потом поставил папку в шкаф, запер его на ключ и посмотрел на часы.

— У нас еще есть время. Я покажу вам Стрэнд[10]. Фестиваль-холл совсем рядом, на другом берегу Темзы.

Старый «моррис» ждал на улице. Машина была уже старая, кое-где со следами ржавчины.

— Это черта нашего характера, — сказал инженер. — Мы любим старые вещи, которые имеют свою историю. Это относится как к машинам, так и к одежде.

Уже зажигались уличные фонари. Автомобиль ехал по тихим кварталам, очень напоминающим Версаль.

— К семи вечера, — объяснял господин Скиннер, — все жители Лондона уже собираются по домам. Но центр города еще долго остается оживленным. Особенно Стрэнд — центр зрелищных заведений. Кстати, посмотрите-ка.

Машина выехала на широкую, хорошо освещенную, оживленную улицу. Люди стояли в очереди за билетами в театры и кино.

— Здесь идет пьеса по Агате Кристи, — сказал Боб. — Надо сходить на нее.

Машина повернула в сторону Темзы, и Франсуа почувствовал влажное дыхание реки. Впереди вдруг открылось широкое, усеянное светящимися точками пространство. Вдали справа виднелись большие здания.

— Это парламент, — показал Боб.

Они повернули на широкий мост, и Франсуа увидел совсем другой, чисто индустриальный пейзаж.

— Эта часть города была разрушена во время бомбардировок, — сказал господин Скиннер. — Фестиваль-холл — это совсем новый театр. Вот мы и приехали.

Он остановил машину и высадил мальчиков.

— Хорошего вам вечера. Возможно, я вернусь поздно, с Меррилом всяко бывает, так что не беспокойтесь. Ах, я чуть не забыл дать вам билеты. Поторопитесь!

Зрителей было много. У Франсуа появилось радостное ожидание предстоящего праздника. Это настроение еще более усилилось, когда он вошел в огромный, но очень гармоничный зал. Никаких лож и балконов в нем не было, только ступени амфитеатра. В целом ансамбль зала казался немного строгим, но элегантным. Франсуа и Боб заняли два места около прохода. Они еще как следует не уселись, когда оркестр заиграл «Боже, храни Короля» и весь зал встал.

— Здесь так принято, — прошептал Боб. — Тебе не кажется, что очень жарко?

Но Франсуа его уже не слушал. Он дрожал от возбуждения, и как только знаменитый дирижер поднял палочку и оркестр заиграл увертюру «Эгмонт»[11], он сжал руки. Он был счастлив. Но что это

---

[10] Одна из центральных улиц Лондона, подобная Бродвею в Нью-Йорке или Шан з'Элизе в Париже.

[11] Увертюра Бетховена (для симфонического оркестра).

Боб все время вертится? Он вытирает платком лоб и пальцы рук и то и дело двигает ногами, то их скрещивает, то выпрямляет.

— Тебе нехорошо? — прошептал Франсуа.

— Кажется, я слишком много съел, — признался Боб.

Гром аплодисментов наполнил зал. Франсуа воспользовался моментом, чтобы внимательнее разглядеть Боба. Тот был очень бледен, и на лбу его блестели капли пота.

— Сейчас пройдет.

Боб попытался улыбнуться.

— Какая досада! Вот тебе и первый выход в свет!

Франсуа беспокоился за друга и уже только краем уха слушал «Пасторальную симфонию»[12]. Он наблюдал за Бобом и чувствовал, что бедняга едва держится. Как только кончилась первая часть, он наклонился к товарищу:

— Хочешь, мы выйдем?

— Думаю, что это было бы кстати, — пробормотал Боб. — Я больше не могу.

Поддерживая Боба, Франсуа подошел к двери. Боб шел медленно и с трудом дышал. Когда они вышли на улицу, он жадно вдохнул свежий воздух.

— Бедный мой старик, — пробубнил Боб. — Знаешь, я себя просто ненавижу.

Он с трудом сдерживал тошноту.

— Давай вернемся домой, — предложил Франсуа. — Уверяю тебя, что так будет лучше. Не расстраивайся.

— Папа будет вне себя от гнева!

— Ничего! Подожди, я поймаю такси.

Стоянка оказалась всего в двух шагах от них. Франсуа было нелегко объяснить водителю, куда надо ехать, и он подумал: «Снова на сцену выходит Без Козыря, который должен найти способ выпутаться!»

Дорога была долгой. Боб, подавляя позывы тошноты, временами стонал.

— Я запомню этот пирог со сливами, — сказал он, когда такси остановилось. — Я заплачу. Сейчас вроде немного лучше.

Они молча прошли через сад. Дом был погружен в темноту.

— Госпожа Хамфри уже в постели. Когда мы уходим, она пользуется моментом, чтобы отдохнуть.

Они закрыли дверь и направились на кухню. Со второго этажа раздался голос гувернантки:

— Это вы, господин Боб?

— Да, это я, не беспокойтесь. Концерт кончился раньше, чем мы предполагали.

Франсуа порылся в аптечке, а Боб наполнил стакан водой и растворил в нем две таблетки.

— Я думал, что у меня глаза на лоб вылезут. Как мне было плохо! Хорошо, что отец еще не вернулся. Если бы он уже был здесь, чего бы я наслушался от него! Ты настоящий друг, Франсуа.

— Ну что же, теперь пойдем спать.

Четверть часа спустя Франсуа потушил свет в своей комнате. Уф! Ничего себе начало его пребывания в Лондоне! Все-таки какие странные эти Скиннеры. Он стал восстанавливать в памяти прошедший день и вдруг почувствовал, как кто-то сжал его руку. Это был Боб. Он шептал:

— Внизу вор!

---

[12] Принятое название Симфонии № 6 Бетховена

КРАСНАЯ ПАПКА

— Что?

— Тише! Говорю тебе, что внизу вор.

Франсуа приподнялся на локте.

— Ты уверен?

— Я не мог уснуть и вдруг услышал в кабинете какой-то шум.

— Это твой отец.

— В том-то и дело, что нет. Пошли посмотрим. Только не зажигай свет.

Боб на ощупь пересек комнату и осторожно открыл ставни. Франсуа на цыпочках проследовал за ним. Ночь была черной и влажной. Мальчики свесились из окна и увидели свет в окне кабинета инженера. Световое пятно перемещалось. Сомнений не было: кто-то светил карманным фонариком.

— Если бы это был отец, он зажег бы электричество.

— Который сейчас час? — спросил Франсуа.

— Половина десятого.

Что делать? Телефон находится в кабинете, за пределами досягаемости. Человек может быть вооружен.

— Я пойду туда, — сказал Боб.

— Постой!

— Я не могу допустить, чтобы изобретение отца украли.

— А я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

Совершенно ясно, что вора интересовали автоматы.

Тем более надо было действовать осторожно. Боб так резко рванул от окна, что Франсуа еле успел схватить его.

— Стой, балда!

— Отпусти меня! Папа на меня рассчитывает!

Боб высвободился из рук Франсуа и ринулся в коридор. Франсуа побежал за ним. В этот момент появилась испуганная госпожа Хамфри в ночной рубашке.

— Внизу в кабинете кто-то есть, — прошептала она.

— Мы уже знаем, — бросил Боб.

— Остановись! — крикнул Франсуа. — Да постой же!

Он решил, что единственно возможный выход—вспугнуть вора и заставить его убежать. Франсуа бросился по лестнице вслед за Бобом, стараясь как можно больше шуметь. Боб был уже на первом этаже. Он кинулся в салон и зажег люстру. Схватив дуэльные пистолеты, он протянул один Франсуа. В этот момент из кабинета донесся звук бегущих шагов.

— Быстрее, — крикнул Боб. — Он уже в саду. Зажги свет в вестибюле!

Франсуа нащупал выключатель и включил свет. Входная дверь была широко раскрыта. Свет из вестибюля образовал в аллее длинный желтый треугольник.

— Он там! — крикнул Боб.

На фоне решетчатой изгороди Франсуа заметил тень. Боб поднял пистолет. Выстрел прогремел так громко, что мальчик вздрогнул и отступил назад.

— Теперь стреляй ты! — прокричал он.

Франсуа, целясь наугад, нажал курок, но раздался только сухой щелчок. Второй пистолет был не заряжен. Где-то на улице послышался шум отъезжающей машины, но когда мальчики выбежали на тротуар, ее уже не было видно.

— Я бы предпочел, чтобы ты в него не попал, — сказал Франсуа. — Только представь себе возможные последствия.

Они заперли калитку и по аллее вернулись в дом. Госпожа Хамфри ждала их на пороге.

— Входите скорее, а то простудитесь. Вы просто позеленели! Господи! У нас воры. Это просто невероятно!

Боб отстранил ее и вошел в кабинет.

— Пойдем посмотрим.

Шкаф был открыт. В замке висела связка ключей, принадлежавшая господину Скиннеру. Красная папка исчезла.

— Он унес папку, — прошептал Боб. — Это, конечно, тот самый тип, что приходил после обеда.

Совершенно раздавленный, Боб положил пистолет на стол и сел. Ему казалось, что все кончено, больше ничего сделать нельзя. Что же касается Франсуа, то для него все только начиналось. Имелась одна деталь, которая особенно привлекла его внимание, а именно: связка ключей. Каким образом она могла попасть к вору, который открыл ею калитку, входную дверь и шкаф? Следовательно, он должен был ее похитить? Но когда и как? Проще всего было известить отца Боба. Для этого надо позвонить господину Меррилу.

— Боб, ты должен тотчас же сообщить обо всем папе. Он, наверное, еще у господина Меррила.

— Ты прав — сказал Боб. — Он будет в шоке!

Дрожащей рукой он набрал номер.

— Мне кажется, что у меня поднимается температура… Алло!

Он кивнул Франсуа, чтобы тот взял трубку параллельного телефона.

— Алло! Господин Меррил? Добрый вечер. Это говорит Боб Скиннер. Могу ли я поговорить с моим отцом?

— С вашим отцом? Но его здесь нет!

— Как? Вы ведь звонили ему сегодня, чтобы он пришел снова…

— Я?.. Нет, я не звонил!

— Подождите. Он не смог пойти с нами на концерт, потому что поехал опять встречаться с вами.

— Ничего не понимаю. Господин Скиннер виделся со мной после обеда, и потом я ему больше не звонил.

— А тогда где же он может быть?

— Я не знаю. Но не волнуйтесь, он вернется.

— Дело в том, что… — Боб прижал трубку к груди и прошептал Франсуа: — Я не хочу говорить ему о пропаже папки. Он может обвинить отца в небрежности. — И произнес в трубку: — Да, вы правы. Извините, что я вас побеспокоил. До свидания, господин Меррил. Спасибо.

Он медленно положил трубку и едва слышным голосом спросил Франсуа и госпожу Хамфри:

— Что теперь делать?

— Что делать? — горячо вскричал Франсуа. — Да надо немедленно звонить в полицию!

— А если папа будет против, когда вернется?

— Но он не вернется!

Увидев изменившееся лицо Боба, Франсуа пожалел, что сказал это.

— Возьми себя в руки, — продолжал он, — и давай восстановим события. После обеда, когда твоего отца не было дома, появился человек, который хотел, судя по всему, осмотреть дом и окрестности. Так. Потом кто-то позвонил. Припоминаешь? Слышимость была плохая. «Говорите громче, — говорил твой отец. — Я не узнаю вашего голоса». Что это означает? Что человек, который звонил по телефону, хотел выдать себя за господина Меррила. Спрашивается, зачем? Чтобы завлечь твоего отца в западню и отобрать у него ключи. Другого объяснения быть не может.

— Ты хочешь сказать…

— Конечно! Ты только подумай! Этому человеку представился прекрасный случай. Он знал, что мы на концерте. Твой отец где-то задержан, не исключено, что как раз сообщниками. В доме осталась одна госпожа Хамфри. Поскольку у него были все ключи, ему легко было действовать. Он не мог, конечно, предвидеть, что мы вернемся так рано.

Факты выстраивались в логическую линию и подсказывали дальнейшие действия. Боб взял трубку и набрал номер полиции.

— Алло! Я по поводу… Хорошо, я понял, я Скиннер Боб из Хейслкома. Да, это по поводу кражи. Украдены очень важные бумаги. Нет, я его сын. Мой отец исчез. Что? Совсем нет! Если он не вернулся, значит, он подвергся нападению. Прошу вас. Да, я понимаю… господин Морриссон. Спасибо.

Он положил трубку и повернулся к госпоже Хамфри:

— Полиция сейчас приедет. Пойдите пока отдохните.

— А вам ничего не нужно? Может быть, травяной чай или грог? Я не могу оставить вас в таком состоянии.

— Идите, с нами все в порядке, — сказал Боб.

— Надеюсь, они поймут, что кража в нашем доме — событие из ряда вон выходящее!

И она с достоинством вышла.

— Она нам очень предана, — прошептал Боб, — но она из другой эпохи. Я все время думаю об отце. Что они с ним сделали?

Франсуа так серьезно взялся за дело, что бедный Боб с закрытыми глазами готов был принять любую предлагаемую другом гипотезу.

Франсуа постарался успокоить Боба.

— Думаю, что они его просто припугнули и заставили вынуть все из карманов.

— Но после этого он мог бы дать знать о себе. Чего я совсем не понимаю, так это каким образом им удалось заставить его выйти из машины?.. Впрочем, ясно. Улица, на которой живет господин Меррил, сейчас перекрыта. Там идет укладка труб и кабеля в огромную траншею. Поэтому машину приходится оставлять довольно далеко от дома и потом идти пешком остаток пути. На время работ уличные фонари там не горят.

— Вот тебе и все объяснение! Именно там и подстерег-ли твоего отца. И я не удивлюсь, если его найдут на дне траншеи связанным.

Эта картина даже рассмешила Боба. Он был не из тех, кто ноет в трудный момент.

— Я пойду выпью таблетку. У меня голова трещит. Положи свой пистолет. Ты здорово похож на вершителя правосудия!

Только сейчас Франсуа заметил, что все еще держит в руке оружие. Он положил пистолет на письменный стол.

—Эта операция была хорошо подготовлена. И думаю, кем-то из близких. Иначе откуда стало известно, что мы идем на концерт? И вор был в курсе не только изобретения, но и характера отношений между господином Меррилом и твоим отцом. Ты уверен, что никогда раньше не видел человека, который приходил сюда?

— Абсолютно уверен. Но полиция должна его найти.

Боб исчез в кухне. Франсуа задумчиво разглядывал шкаф, витрину, открытое окно. Если бы вор захотел, он мог бы унести один или два автомата. Почему же он ограничился только красной

папкой? Дело было действительно загадочным. В этот момент послышался шум тормозов на улице, затем хлопнули дверцы машины, и почти тотчас же прозвенел звонок в дверь.

— Я открою! — крикнул Боб.

Он ввел в кабинет молодого человека не очень высокого роста с темными, бегающими глазами.

— Инспектор Морриссон.

Он даже не посмотрел на Франсуа. Взгляд его сразу упал на два пистолета.

— Что это такое?

— Это дуэльные пистолеты, — пояснил Боб. — Мы легли спать. И вдруг услышали шум в этой комнате. Мы спустились и, чтобы испугать вора, проходя через салон, взяли эти пистолеты.

Инспектор осмотрел пистолеты.

— Этим совсем недавно пользовались, — заметил он.

— Да, я выстрелил наугад в направлении изгороди.

— Вы достаточно большие ребята, уже поздновато играть в индейцев. Вы подумали о последствиях?

— Не знаю, — жалобно произнес Боб, — я не сообразил.

— А вы? — Инспектор повернулся к Франсуа. — Кто вы такой?

Франсуа объяснил, почему он приехал в семью Скиннеров. Морриссон делал пометки в блокноте.

— Мы все это проверим, — заключил он, закрывая, наконец, свой блокнот.

— Но это правда!

— Не сомневаюсь.

Нельзя сказать, чтобы инспектор располагал к себе. Он вел разговор холодно и то и дело иронически поднимал одну бровь. Он как будто хотел показать, что все сказанное мальчиками и записанное в блокнот — пустая ребячья болтовня.

— А что наводит вас на мысль, что господин Скиннер исчез?

Он обращался одновременно к обоим.

— Вот это! — ответил Франсуа.

Он показал Морриссону связку ключей и изложил ему свою теорию. Морриссон машинально пощипывал ухо, а глаза его все продолжали бегать по сторонам.

— Понимаю, — сказал он. — Но нам не нужны предположения, нам нужны только факты.

Он пересек комнату и громко крикнул в открытое окно:

— Джон!

Из глубины сада появился полицейский в каске.

— Джон, сходи к дому господина Меррила. Подожди, возьми его адрес.

Боб продиктовал адрес.

— Вы должны медленно прочесать улицу. Там есть траншея. Эти молодые люди считают, что на господина Скиннера напали именно там. Постарайтесь разыскать его машину марки «моррис». Какой у нее номер? ЖВТ 986 Ж. Думаю, что все же не стоит зря беспокоить господина Меррила, потому что он уже подтвердил, что инженера больше не видел. Я его допрошу завтра. Потом воз-вращайтесь сюда для доклада.

Затем он строгим голосом обратился к мальчикам:

— Вы ни к чему не прикасались?

— Нет.

Он показал пальцем на автоматы.

— Кто в них играет?

— Это не игрушки! — объяснил Боб. — Это электронные куклы. Можете сами в этом убедиться.

Он взял Тома, поставил его на письменный стол и сказал, тщательно выговаривая слова:

— Господин Том, хорошо ли вы спали? Готовы ли вы к работе со мной?

И Том, поднеся очки к глазам, ответил:

— С удовольствием.

Несмотря на всю свою самоуверенность, инспектор не смог скрыть удивления. Он был достаточно умен, чтобы сразу же понять значимость этого изобретения.

— Промышленный шпионаж! —воскликнул он. — Но почему вор не унес этот автомат?

— Он унес документы, — ответил Боб. — Толстую папку в красном переплете. Результат нескольких лет работы моего отца.

— У господина Скиннера нет копий?

— Конечно, есть, но они в сейфе на заводе.

— На каком заводе?

— На заводе господина Меррила. Производство автоматов должно было начаться в следующем месяце. Это изобретение держалось в тайне.

Пощипывая себя теперь уже за другое ухо, Морриссон прошелся по кабинету и вдруг заметил под креслом что-то похожее на металлическую трубку. Как охотник, приготовившийся схватить растерявшуюся жертву, он встал на колени, вынул платок и осторожно подобрал им предмет.

— Это электрическая лампа, — сказал он. — Боюсь, что она не сможет рассказать нам что-либо важное. Эти раскрашенные коробки не сохраняют отпечатки пальцев. И все-таки я пошлю ее в лабораторию. Опишите мне человека, который приходил сюда после обеда.

Боб кое-как описал.

— Блондин, немного рыжеватый, — резюмировал Морриссон, — борода, усы, светлые глаза, веснушки. Словом, черты, которые свойственны тысяче индивидуумов. Хорошо, другой вопрос: вор долго пробыл в этой комнате?

— Нет, — ответил Боб. — Я не спал, госпожа Хамфри тоже не спала. Это наша гувернантка; ее комната как раз над кабинетом. Мы услышали шум и тут же вышли в коридор.

Зазвонил телефон, инспектор поднял трубку. Он долго слушал, кивая головой, как преподаватель, подбадривающий своего застенчивого ученика. Из трубки доносился громкий взволнованный голос, но понять что-либо было абсолютно невозможно.

— Хорошо, — сказал наконец Морриссон. — Приезжайте за мной. Спасибо.

— Есть новости? — нетерпеливо спросил Боб.

Полицейский внимательно посмотрел на мальчика, потом положил руку ему на плечо.

— Он ранен. Вы были правы. Именно там на него и напали. Но успокойтесь, «скорая помощь» уже там. Мы сделаем все необходимое.

— Ранение серьезное?

— Пока трудно что-либо сказать. Ясно только, что на него напали, ограбили и столкнули в яму. Мы имеем дело с людьми, которые очень опасны.

Боб изо всех сил сдерживал слезы.

— Я смогу увидеть отца? — выдавил он.

— Конечно. Но не раньше завтрашнего дня. Сейчас его везут в госпиталь. Верьте мне, будет сделано все необходимое. Не бойтесь, мы его вытащим. Это изобретение… Оно стоит дорого? Я это не очень себе представляю.

— Очень дорого. Господин Меррил вам об этом расскажет более точно.

— Зайдите завтра сразу после обеда в Скотленд-Ярд[13]. Я покажу вам фотографии личностей, которые были как-то замешаны в промышленном шпионаже. Может быть, узнаете вашего посетителя. Я не очень надеюсь на какой-то результат, но не следует исключать эту возможность. Слишком уж мало у нас улик!

У изгороди остановилась машина.

— Я вас оставлю, — сказал Морриссон. — Позвольте дать вам обоим совет: примите снотворное и хорошенько выспитесь.

— Может быть, мне надо позвонить в госпиталь? — спросил Боб.

— Пока еще рано, вам не смогут дать какой-либо определенный ответ. Мой мальчик, жизнь научит вас, что умение ждать — это одна из форм мужества. Всего вам доброго. Ах, да чуть было не забыл электролампу.

Пройдя вестибюль, он обернулся:

— Эксперты следственной бригады придут рано утром. Не провожайте меня, я дорогу знаю.

Боб закрыл за ним дверь.

— Я знал, что это проклятое изобретение отравит нам жизнь!

---

[13] Лондонская уголовная полиция

Франсуа размышлял, взвешивая все «за» и «против». Разве можно уехать, оставив друга одного? Но будет еще хуже, если он останется, а потом, по мере развития событий, превратится в обузу.

Боб как будто догадался о сомнениях Франсуа и сказал:

— Останься, пожалуйста, ты мне так нужен. И, кроме того, мы оба будем нужны полиции, пока не закончится следствие.

— Но… Может быть, приедет мисс Маргрейв? Разве сейчас ее место не здесь?

Боб хлопнул себя по лбу.

— Ох! Я совершенно забыл. Как хорошо, что ты напомнил! Пошли. Я сейчас же расскажу ей о случившемся.

— Но ведь уже полночь?

— Ну и что? Мы-то с тобой не спим!

Он набрал номер и долго ждал ответа. Франсуа, рас-положившись в удобном кресле, пытался немного прийти в себя. Он был совершенно без сил. И, как бывает при сильной усталости, мысли его путались и выплывали гипотезы одна нелепей другой. Ему никак не удавалось взять себя в руки и найти в этом деле главную отправную точку. Итак, был известен образ жизни и характер работы господина Скиннера. Было известно, что в этот вечер безобидная госпожа Хамфри останется дома одна. И тем не менее человек с бородой направляется в разведку. А это наводит на мысль, что он не был знаком с местом действия. Значит, можно предположить, что злоумышленник, хорошо информированный о деталях вечера, ни разу не переступал порога дома? А может быть, бородач был послан только для того, чтобы сбить с толку следствие? А если настоящий виновник — это господин Меррил? Что, если он решил отделаться от инженера и захватить себе всю прибыль? Но тогда… Нет, этот вариант не годится. Неужели Боб будет звонить всю ночь? А если…

Боб тряс его за плечо.

— Ты спишь? Я дозвонился. Завтра мисс Маргрейв будет здесь. Она хотела выехать немедленно. Она просто молодец! Какое хладнокровие! Она, как и я, готова послать Тома ко всем чертям!

Боб засунул руки в карманы, опустил голову и задумался. Потом, наконец, решился:

— Пошли спать. Думаю, что инспектор прав. В госпитале пока ничего не скажут.

Он взял пистолеты.

— Пора их положить на место, а то надо мной будут смеяться.

Госпожа Хамфри еще не спала. Дверь ее комнаты была приоткрыта, и она высунула голову, когда услышала шаги мальчиков на лестнице.

— Господин Скиннер не с вами?

— Нет, — ответил Боб, — с папой произошел несчастный случай.

— Боже мой!

Совершенно растерявшись, старая дама раскрыла дверь, и Франсуа чуть не прыснул со смеху, увидев ее ночную рубашку в кружевах.

— Он в госпитале, — продолжал Боб. — Подробности пока неизвестны. Я только что звонил мисс Маргрейв, завтра она приедет к нам. Ей надо приготовить комнату.

Госпожа Хамфри поджала тонкие губы и закрыла дверь. А Боб вошел вместе с Франсуа в его комнату.

— Тебе ничего не нужно? Не замерзнешь? Госпожа Хамфри — это феномен. Ты заметил? Она не очень любит мисс Маргрейв. Понимаешь, она царствует в этом доме уже Бог знает сколько лет. И вдруг эта новая госпожа Скиннер! Это ее не устраивает. Думаю, что предстоят ссоры. Я вынужден принимать тебя в таких условиях! Ты на нас не сердишься?

— Боб, что ты!

— Как я счастлив, что ты со мной! Спокойной ночи.

МИСС МЭРИ

Мисс Мэри прибыла на следующее утро, когда часы пробили восемь. Франсуа как раз закончил свой туалет, когда услышал, как внизу она разговаривает с Бобом. У нее был нежный, приятный голос, забавно контрастирующий с ломающимся баском Боба. Франсуа не стал спешить. Он предпочел, чтобы момент первых волнений прошел без него. Он не любил, когда плачут. Но Боб крикнул его снизу. Франсуа, проведя напоследок расческой по волосам, спустился.

Если он боялся слез, то здорово ошибся! Мисс Мэри, внешне очень хрупкая, была женщиной умной и явно умела держать себя в руках. Голубые глаза смотрели спокойно и доброжелательно.

— Боб мне уже все рассказал, — обратилась она к Франсуа. — Вы ему очень помогли.

Она погладила Боба по щеке.

— Они с отцом не всегда живут в согласии, но очень любят друг друга. Надеюсь, мы получим из госпиталя добрые вести. Боб, будь добр, отнеси чемодан в мою комнату.

Она немного подождала и, когда Боб вышел, сказала:

— Я знаю, что вы способный мальчик, Что вы думаете обо всем этом?

— Я думаю, — признался Франсуа, — что здесь все странно, начиная с этого господина Тома и кончая визитом незнакомца,

Она прервала его:

— Это именно то слово: странно! С тех пор как я сюда приезжаю, я стала сама не своя. Мне кажется, что эти автоматы распространяют вокруг себя злые волны. Боб все хуже и хуже учится. Джонатан живет только своим изобретением. Госпожа Хамфри всем недовольна. А теперь еще эта драма. Вот почему я, со своей стороны, прошу вас остаться с нами, Вы кажетесь мне тем человеком, рядом с которым каждый будет действовать более разумно. — Она мило улыбнулась. — Будем союзниками, господин Робьон.

Франсуа даже покраснел от удовольствия.

— Хорошо, — ответил он. — Родителям я скажу только, что с господином Скиннером произошел несчастный случай.

В саду послышались голоса. Это прибыли эксперты следственной бригады. Их было трое, и они привезли с собой довольно громоздкую аппаратуру. Мисс Мэри попросила их подождать в вестибюле.

— Я должна позвонить в госпиталь, — сказала она. — Я ничего не буду трогать.

Госпожа Хамфри с неодобрением наблюдала за вновь прибывшими с порога кухни. Франсуа сел завтракать. Он знал, что завтрак у англичан очень обилен, но не подозревал, что до такой степени. На столе были чай, кофе, джем, ветчина, жареные сосиски, вареные яйца, хот-доги и яичница. Он просто не знал, что выбрать. Боб тоже сел за стол и начал есть с большим аппетитом. Он уже забыл о своем вчерашнем решении.

— Мне стыдно, — сказал он. — Отец ранен, а я все равно хочу есть. Противно, правда?

Мисс Мэри долго звонила. Из вестибюля тянуло табачным дымом.

— Я тебя не обманул, правда? — продолжал Боб. — Она необыкновенная. И, ты еще увидишь, Мэри очень аккуратная и все замечает. Это именно та женщина, которая нужна моему отцу. Он все теряет и все забывает. Уверяю тебя, что, если бы она была здесь, папка лежала бы в более надежном месте.

Боб вонзился зубами в булочку с сосиской.

— Жаль, — произнес он с полным ртом. — У нее немного учительская манера обращения. Это меня слегка смущает.

Мисс Мэри, по-прежнему спокойная, вошла в столовую. Франсуа подал ей стул.

— Спасибо. Люди в госпитале не очень-то словоохотливы. Но думаю, что все образуется. Как я поняла, Джонатан пытался убежать от преследователя, который в него выстрелил. Пулю пока еще не извлекли. Результат рентгена станет известен несколько позднее.

— Он ранен серьезно? — Боб явно нервничал.

— Это мы узнаем от хирурга позднее. Но похоже, что это серьезно. У Джонатана температура. После завтрака я его навещу.

— А я? — спросил Боб.

— Не надо бы его утомлять.

Боб надулся и машинально положил в тарелку два яйца.

— Все-таки я хотел бы поехать с вами, — пробурчал он.

— Хорошо.

Она была спокойна, уверена в себе, и Франсуа восхищался ловкостью ее длинных пальцев, когда она счищала скорлупу с яйца всмятку. Он также отметил элегантность костюма мисс Мэри.

Повисла напряженная тишина, и Франсуа обрадовался, когда ее нарушил голос инспектора Моррисcона. Мисс Мэри, как хозяйка дома, вышла его встретить.

— Пожалуйста, продолжайте завтрак, — сказал инспектор. — А потом я задам вам несколько вопросов.

— Выпейте с нами чаю.

— Спасибо.

У инспектора вдруг пропало выражение постоянной иронии, которое так раздражало Франсуа. Он стал даже застенчив, когда сел между Бобом и мисс Мэри.

— Мы нашли машину, — объявил он. — Она стояла в начале улицы, как раз перед табличкой «Проезд закрыт». Господин Скиннер был ранен метрах в двадцати от этого места… Два кусочка сахара, пожалуйста, и немного молока. Спасибо. Машина уже стоит на стоянке госпиталя. Констебль[14] не понял меня и вместо того, чтобы пригнать ее сюда, оставил около госпиталя. Но она там никому не мешает. Я только что разговаривал с господином Меррилом. Он ничего не знает. Пропажа досье была для него ударом. По его мнению, папка содержала достаточно материалов для того, чтобы похититель смог воссоздать куклу-автомат.

— Но Джонатан запатентовал свою работу, — заметила мисс Мэри. — Любое воспроизведение запрещено.

— Это правильно, — подтвердил инспектор, — если только речь идет о массовом воспроизводстве. Но если конкурирующая фирма завтра, например, выпустит идентичный автомат, но в другом обличье и с какими-нибудь новыми деталями, господа Меррил и Скиннер юридически не смогут доказать свои права. Все знают, что одно и то же изобретение может появиться в разных странах почти одновременно. Этому масса примеров. Если бы производство автоматов уже началось, вернее, если бы первые экземпляры уже пошли в продажу, все обстояло бы совсем иначе. К несчастью, право на изобретение подтверждается только бумагой. И в начальной стадии практически невозможно доказать, кому первому пришла в голову эта идея. А идея — это ведь нечто эфемерное. Господин Меррил прекрасно понимает, что его иск не примет ни один суд. А ведь он уже вложил в изобретение много денег. Если нам не удастся быстро найти досье, эта пропажа дорого ему обойдется.

— Вы хотите сказать, что он разорится? — спросил Боб.

— Нет, я имел в виду, что он уже не сможет продать за границу лицензию на производство автоматов. А именно это и могло принести наибольший доход. Он считает, что потерял возможность выручить несколько сотен миллионов.

Эта цифра произвела на присутствующих впечатление. Воцарилась долгая тишина.

— Значит, папа был прав, когда утверждал, что мы станем очень богатыми, — прошептал Боб дрожащим голосом.

— Не все потеряно, — ответил инспектор. — Иначе для чего существует полиция? Скажите, часто ли господин Скиннер принимал гостей? Были ли у него друзья?

— Нет, — твердо ответила мисс Мэри. — Он был слишком поглощен своей работой. На заводе он, конечно, поддерживал отношения со многими людьми, но здесь, дома, не принимал никого. Но Джонатан не делал секрета из своего изобретения, он им гордился. Может быть, это его и погубило.

— Вполне возможно, — согласился Моррисcон. — Он мог кому-то рассказать, что купил билеты на концерт. Но не исключается вариант, что за ним следили. Я расспрошу работников завода. Господин Скиннер в силу необходимости был в контакте с секретарями, телефонистами. Иногда подчиненные и становятся источником утечки информации.

---

[14] Низший полицейский чин в Великобритании.

Инспектор поднялся, довольно церемонно поблагодарил мисс Мэри и присоединился к полицейским, которые работали в кабинете.

— В десять поедем в госпиталь, — сказала мисс Мэри.

Франсуа воспользовался передышкой, чтобы написать родителям. Обычно он писал им как придется. Но на этот раз надо было писать так, чтобы, с одной стороны, не врать, а с другой — не сказать всей правды. Он знал, что какая-нибудь мелочь может проскользнуть между строк, и мать начнет волноваться: «Франсуа что-то от нас скрывает. Может быть, заболел?» Следовательно, он должен написать им бодрое письмо. Если бы вдруг он захотел написать им правду, получилось бы что-то вроде «я веду расследование… произошла кража… полиция пока «плавает»… сегодня после обеда пойду в Скотленд-Ярд». Но нет, так он не напишет. Вместо этого он вынужден писать: «Идет дождь, гувернантка госпожа Хамфри утверждает, что так бывает каждый год…» Он перечитал написанное, получилось, конечно, не блестяще, Он сделал неискреннюю приписку: «Мы будем часто ходить в театры, кино, на прогулки, так что не удивляйтесь, если мои письма будут очень короткими». Подумав, он приписал еще: «У меня потрясающие успехи в английском». Так, с одной задачей он справился. Теперь можно спуститься вниз, Франсуа обнаружил, что следственная бригада уже ушла, но инспектор Морриссон все еще продолжал осматривать кабинет. Он объяснял мисс Мэри:

— Я заберу автоматических кукол. Они будут в надежном месте, и вы можете не опасаться новых краж. До полудня я заеду в госпиталь, Прошу вас, передайте господину Скиннеру, что мы держим ситуацию под контролем и пусть не беспокоится.

«Ничего себе формулировка! — подумал Франсуа. — «Ситуация под контролем!» А на самом деле у него даже версии никакой нет».

Боб сгорал от нетерпения. Наконец автомобиль мисс Мэри тронулся с места, Это была прекрасная машина в английском стиле, с обитыми кожей сиденьями,

— Что это за марка?

— Это «даймлер»[15]. Она с успехом заменит старушку «моррис» Джонатана, Я люблю просторные машины.

Мисс Мэри вела машину уверенно, как, впрочем, делала и все остальное, Всю дорогу они молчали, Боб приводил в порядок ногти. А мисс Мэри, несмотря на присущее ей хладнокровие, казалась напряженной.

Госпиталь был новый. Он, видимо, был реконструирован, как многие другие здания, пострадавшие от бомбардировок[16]. Мисс Мэри навела справки, и медсестра показала им, куда надо пройти. Палата инженера была на первом этаже. Франсуа вспоминал как несколько лет назад господину Робьону делали операцию аппендицита. Мальчик узнавал теперь бесконечные коридоры, запах чистоты и болезни, тележки, заставленные позвякивающими пузырьками.

— Подождите меня здесь, — сказала мисс Мэри.

Боб не мог усидеть на месте. Он уходил, возвращался, останавливался перед плакатами, призывающими сдавать кровь, и при этом беспрестанно смотрел на часы.

— Это просто невозможно! — говорил он, — Кто я на самом деле? Я его сын или нет?

Но он сразу прекратил возмущаться, как только увидел мисс Мэри, шедшую в их сторону в сопровождении врача в белой куртке.

— А вот и наш юный друг, — сказал врач, обращаясь к Франсуа,

— Нет, это не он, это я! — запротестовал Боб, — Как дела?

— Как я только что объяснил госпоже, ваш отец пострадал довольно серьезно, Но мы его спасем. Беда в том, что пуля лежит близко от сердца, и операция потребует особой осторожности. Господин Скиннер потерял много крови. Мы не можем рисковать, Пока он должен лежать без движения.

— Но он... не парализован? — воскликнул Боб.

— Нет, но если он будет подниматься, может произойти новое кровоизлияние. Лучше быть предельно осторожным, поскольку положение недостаточно ясно.

Он пошел впереди всех и открыл дверь.

---

[15] Легковой автомобиль, который производится в Германии компанией «Даймлер-Бенц».

[16] Речь идет о бомбардировках во время второй мировой войны.

— Мы положили его в тринадцатую палату, единственно свободную в тот момент, вы не суеверны?

—Я, пожалуй, не буду его беспокоить, — сказал Франсуа.

— Ну что ты! — возразил Боб и потащил друга в палату. И с порога бросился к отцу.

— Папа!

— Осторожно, — сказал доктор. — Разрешаю вам побыть с ним несколько минут.

Мисс Мэри наклонилась над господином Скиннером и поцеловала его в лоб. А Боб взял руку отца с намерением больше ее не выпускать. Господин Скиннер был очень бледен. Он закрыл глаза, потом снова открыл их и произнес, обращаясь к Франсуа:

— Бедный мой друг, я испортил вам каникулы. Но, знаете, я возвращаюсь издалека… Теперь я жалею, что отбивался, когда этот человек бросился на меня. Я не должен был убегать. Тогда бы он в меня не выстрелил.

— Как выглядел этот человек? — спросил Франсуа.

— Не знаю. Было очень темно, и все так быстро произошло! Я должен был бы…

Врач подошел к постели.

— Не двигайтесь, господин Скиннер .

Но раненый, сделав усилие, повернул голову в сторону Боба.

— Он взял все?

— Нет. Только красную папку.

— Значит, взял главное. Господин Меррил рассердится на меня.

— Не думайте больше о Мерриле, — прошептала молодая женщина. — Чем раньше вы забудете о своих делах, тем быстрее поправитесь. Правда ведь, доктор?

— Конечно. А теперь оставим его, он должен отдыхать. Ему дали успокаивающее, и я думаю, что он уснет.

Мисс Мэри нежно провела рукой в перчатке по уже обросшей щеке раненого.

— Не беспокойтесь ни о чем, — сказала она. — Я поживу у вас в доме. Все будет хорошо. Я уверена, что вы скоро поправитесь. Боб, пошли!

Боб с большим сожалением отпустил руку отца и сказал доктору:

— Если нужна кровь для переливания, я в вашем распоряжении.

Доктор улыбнулся.

— Хорошо, посмотрим. Но вы не беспокойтесь, у нас есть все необходимое.

На пороге палаты Боб резко обернулся. Мисс Мэри схватила его за руку и закрыла дверь.

— Будь стойким, мой милый мальчик. Нас заверили, что большой опасности нет. Повторите ему, пожалуйста, доктор.

Врач еще раз успокоил их и ушел.

Они вышли во двор госпиталя, и мисс Мэри, чтобы немного подбодрить мальчиков, предложила им пойти пообедать в «Шерлок Холмс»[17].

Но поскольку было еще рано, они прошлись по Стрэнду, сделали несколько покупок и к полудню спустились вниз к Темзе.

— А что, если не удастся извлечь пулю? — снова заволновался Боб.

— Боб, — постаралась успокоить его молодая женщина, — ты думаешь, я сама не беспокоюсь? Но Джонатан находится в надежных руках. Зачем думать о худшем. Давайте забудем об этом хотя бы на час.

Бар ресторана был освещен цветными фонариками, блики света приветливо играли на старинной деревянной обшивке стен. Здесь все было массивно и комфортабельно. Зал с низкими потолками был разделен на две части, и многочисленные посетители пили пиво на высоких табуретах за стойкой, спокойно обсуждая разные дела. По стенам были развешаны пистолеты времен Шерлока Холмса и перепечатанные письма доктора Ватсона. Одну из стен украшало панно с изображением знаменитой собаки Баскервилей.

Мисс Мэри уверенно поднялась по винтовой лестнице на второй этаж, и Франсуа, который шел за ней, был поражен открывшимся его глазам зрелищем. Перед ним предстал рабочий

---

[17] Ресторан в Лондоне.

кабинет Шерлока Холмса! За стеклом, отделявшим кабинет от посетителей, Франсуа увидел тщательно отреставрированный, знаменитый письменный стол лондонского сыщика. На нем стояли персидская туфелька, в которой Холмс хранил свой табак. Рядом лежала изогнутая трубка, делившая с ним часы тяжелых раздумий. В углу находился манекен, который он использовал в схватке с профессором Мориарти. На круглом столике лежала скрипка. В этой комнате было столько интересных вещей, что Франсуа просто не знал, на чем остановить взгляд: знаменитое кепи с двойным козырьком, книжный шкаф, различное оружие, колбы для химических опытов, парики, — и все это было пропитано духом зловещих тайн и загадок.

Прижав лоб к стеклу, Франсуа разглядывал мир своего детства. «Пляшущие человечки», «Пестрая лента»… А как Шерлок Холмс говорил: «Элементарно, мой дорогой Ватсон!» Сколько с этим связано воспоминаний и волнений!

Франсуа совсем забыл о деле Скиннера. И ему показалось, что его выдернули из глубокого сна, когда мисс Мэри потянула его за рукав:

— К столу!

Это был очень необычный обед. Подумать только, Франсуа находился в уютной квартире на Бейкер-стрит, где когда-то быстро, легко и логично было разрешено столько непостижимых загадок! А он, сможет ли он развязать узел тайны Скиннера? После каждого глотка мальчик поднимал голову и смотрел вокруг, спрашивая совета у невидимого призрака, который, казалось, продолжал жить в этом маленьком, заставленном мебелью кабинете.

— Правда, здесь интересно? — спросила мисс Мэри.

Интересно! Это слишком бедное слово! Все это невероятно! Потрясающе! Франсуа уже не различал, что он ест, и его молчание становилось все более и более невежливым. Хотя он находился по эту сторону стеклянной перегородки, но душа его была в другой половине, в кабинете Холмса. Он представил себе, как стоит перед креслом мэтра и докладывает ему свою проблему. Доктор Ватсон его поддерживает. А Шерлок Холмс, закрыв глаза, раздумывает, выстраивая факты для серии блистательных дедукций.

— Какое мороженое ты хочешь: шоколадное, клубничное или ванильное? — спросил Боб.

Франсуа снова как будто очнулся от сна, и мисс Мэри с Бобом, как они ни старались, не смогли сдержать смех. Боб объяснил молодой женщине:

— Сейчас с нами не Франсуа. Это Без Козыря, который сейчас играет роль детектива. Вы не знаете, почему Без Козыря? Сейчас я вам объясню.

И он рассказал, почему Без Козыря получил такое прозвище. Мисс Мэри довольно снисходительно слушала эту ребячью историю, чем Франсуа, в глубине души, был крайне задет. В то же время он должен был признаться себе, что если раньше он имел дело с жандармами и ворами, то теперь, когда пролита кровь, он абсолютно растерян и вдруг из своей детской мечты опустился на землю и увидел, что находится в маленьком, старинном и пыльном зале.

Час спустя, когда гигант-полицейский пропустил их в Скотленд-Ярд, Франсуа стало не до шуток. Они попали в мрачное царство Службы уголовного расследования. Хотя, впрочем, люди, которые им попадались навстречу, были совсем не грозного вида. Само здание тоже не производило гнетущего впечатления и походило скорее на Дом социального обеспечения, чем на полицию. Бесконечные коридоры, огромное количество кабинетов, из-за закрытых дверей которых доносился стук пишущих машинок, сновали с бумагами секретари.

Ребята и мисс Мэри поднялись по лестнице и попали в зал ожидания, куда за ними почти тотчас же пришел инспектор. Он провел их в совсем новый кабинет, обставленный незамысловатой металлической мебелью, и сразу приступил к делу:

— Я принес картотеку. Подойдите ближе.

Мальчики подошли, а мисс Мэри инспектор предложил стул.

— Сначала вы, — сказал он. — Я не хотел бы, чтобы вы влияли друг на друга.

Перед глазами Франсуа потекло бесконечное количество лиц, бритых и бородатых, молодых и не очень, откровенно уголовных и просто тусклых и невыразительных. Франсуа потер глаза.

— Понимаю, видеть их не так приятно, — сказал Морриссон. — Но не забывайте, что, возможно, среди них находится ваш знакомый.

Он снова и снова показывал Франсуа фотографии.

— Нет, — говорил Франсуа.

Во всех лицах присутствовало что-то авантюрное. Таинственного посетителя среди них не было, по крайней мере Франсуа его не узнал. Потом место Франсуа занял Боб, и просмотр фотографий возобновился. И снова без результата.

— Я не очень удивлен, — сказал инспектор. — Но удостовериться надо было. Я видел господина Скиннера. Он выкарабкается. А что касается следствия, пока еще слишком рано делать какие-либо прогнозы. Могу только вас заверить, что те несколько человек из непосредственного окружения инженера на заводе, которых мы допросили, в этом деле не замешаны. Ну что же, спасибо. Прошу меня извинить, что я вас зря побеспокоил.

— Иначе говоря, мы вперед нисколько не продвинулись, — сказала мисс Мэри, когда они вышли на улицу. — Если вы не против, поедем домой, я немного устала.

Конец дня прошел печально: чай, обед, короткое время для беседы. Говорили только о событиях предыдущей ночи и все чувствовали себя подавленными от бесплодных разговоров об одном и том же.

Франсуа уснул очень быстро, но спал беспокойно, видел какие-то сны, в которых фигурировал насмешливый Шерлок Холмс. Сыщик ходил по кабинету, курил трубку и был явно недоволен. Вдруг он стал наступать прямо на Франсуа и стучать ему в грудь мундштуком трубки, как будто хотел что-то лучше разъяснить.

— Франсуа!

— Что?

Франсуа открыл глаза. Его будил Боб.

— Внизу кто-то есть, — прошептал он.

— Что?!

— Тихо! Он в салоне.

СТРАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Что это, продолжение сна? Нет. Перед ним стоял настоящий Боб. Правда, очень испуганный. Так что это была не шутка. Как будто повторялась прошлая ночь. Франсуа тут же проснулся.

— Он в кабинете?

— Нет, в салоне. Мисс Мэри услышала шум, ее комната ведь как раз над салоном.

Дом был погружен в тишину.

— Пойдем на разведку, — сказал Боб.

Франсуа встал. В коридоре он увидел мисс Мэри, которая прислушивалась к звукам, доносящимся с первого этажа. Франсуа не сразу узнал ее. Ненакрашенная, в халате, с заплетенными на ночь косичками, она казалась беззащитной маленькой девочкой. А они, один в голубой пижаме, другой в бордовой, тоже вели себя как испуганные мальчишки. При слабом свете ночника, горевшего в конце коридора, они составляли очень странную группу. Как будто собрались на совет перед тем, как начать какую-то необычную игру.

— Слышите? — шепнула мисс Мэри. — Я уверена, что там кто-то есть.

С первого этажа донеслось тихое поскрипывание.

— Может, это госпожа Хамфри? — тоже шепотом спросил Франсуа.

— Нет, я проверила, она спит.

Они не знали, что делать. Спуститься вниз? Это может быть очень опасно, ведь теперь они знали, что человек с бородой способен на многое. Конечно, это он снова пришел в их дом. Позвать на помощь? Но телефон находится как раз в кабинете, в двух шагах от преступника. Что же предпринять? Оставаться на месте? А если он сам поднимется наверх? Мальчики ждали, что решит молодая женщина, но она тоже была совершенно растеряна. Франсуа посмотрел на часы: половина первого.

— Послушайте, — сказал Боб, — нас ведь трое, а втроем можно и рискнуть. Пошли!

Он зажег в коридоре верхний свет и первым стал спускаться по лестнице. Дойдя до середины, все трое остановились. Тишина. Пошли дальше, ступенька за ступенькой. Бледные, напряженные, они добрались до первого этажа. Когда до салона оставалось несколько метров, они услышали какой-то звук и замерли.

— Значит, я все же не ошиблась? — прошептала мисс Мэри. — Франсуа, зажигай свет. Выключатель около тебя.

Франсуа нащупал выключатель, и в холле загорелась четырехрожковая люстра. Ночной посетитель должен был заметить полоску света под дверью и что-то предпринять.

Но ничего не произошло. Тогда Боб решительно рас-пахнул дверь в салон.

— Кто здесь? — крикнул он дрожащим голосом. Потом обернулся и объявил: — Нам показалось.

Мисс Мэри и Франсуа подошли к нему и увидели, что одно из окон приоткрыто и его створка поскрипывает от ударов ветра. Боб тоже это заметил и кинулся включать свет.

В салоне не было видно следов разбоя. Они приблизились к окну и обнаружили, что в болтающейся на ветру створке был аккуратно вырезан, видимо алмазом, кусок стекла. Через него вор мог поднять шпингалет и открыть окно.

— Ничего не понимаю! — сказал Боб. — Столько труда — и ради чего?

Вдруг мисс Мэри вскрикнула:

— Украден слон!

Она показала на этажерку, где рядом с книгами раньше стояла фигурка из слоновой кости. Ее там больше не было.

— Очень странно, — сказал Боб. — Это ведь совсем не самая ценная вещь.

— Слон был большой? — спросил Франсуа.

— С кулак. И даже больше.

-— Ой, пропала мраморная рука! — воскликнула мисс Мэри.

Франсуа вспомнил, что вчера на камине он видел мраморную женскую руку. Она тоже исчезла.

— А пистолеты? — хватился Боб. — Их нет. Вчера я положил их на этот стол.

Медленно оглядывая все кругом, они пытались установить, что еще пропало.

— Кажется, все остальное на месте, — сказала мисс Мэри.

— Нет, — ответил Боб, — не хватает малайского кинжала.

Действительно, на стене между саблей самурая и полинезийским кастетом зияло пустое место.

— Вот дела! — изумлялся Боб. — Просто удивительно! Предпринять столько усилий, рисковать и ради чего? Слон, мраморная рука, кинжал и два пистолета!

— Может быть, ему не хватило времени, — предположил Франсуа, — а то бы он взял и что-то другое?

— Здесь полно куда более ценных вещей. Вот, например, этот церковный ковш, всадники из нефрита. Зачем тащить слона, когда рядом с ним стоит Будда, стоящий в двадцать раз дороже! Как-то глупо!

— И особенно странно, — добавила мисс Мэри, — что не прослеживается связь с похищенными документами.

Франсуа думал как раз о том же. Разные воры подряд залезли в один и тот же дом — такое совпадение маловероятно. Но как же это понимать? — Я почти уверен, что все-таки это снова приходил наш бородач. Вчера ему не удалось взять что-то, что ему было нужно, — сказал Франсуа.

— Например, слона, — засмеялся Боб.

— Вам это может показаться неубедительным, но это абсолютно точно. Этот человек, зная, что в доме люди и его могут увидеть, тем не менее идет на риск и вырезает стекло. Вывод: ему во что бы то ни стало надо было сюда вернуться.

— Без Козыря приступает к расследованию! — начал подхихикивать Боб. — Слушайте его. Если его хорошенько попросить, он расскажет, что этот человек должен быть левшой и в пять лет переболел скарлатиной.

Пережитый страх постепенно отступал, и беззаботность возраста брала свое. Но мисс Мэри было не до смеха. Она заперла окно.

— Мы сами виноваты в том, что случилось. Учитывая события прошлой ночи, надо было закрыть ставни. Ну а теперь мы должны предупредить инспектора.

Это действительно нужно было сделать. Они перешли в кабинет, и мисс Мэри связалась с полицией. Тут проснулась госпожа Хамфри, которая спала над кабинетом, и Боб отправился наверх, чтобы ее успокоить.

— Как это ужасно, — жаловалась в телефон молодая женщина. — Ну хорошо, подождем. Но не можем же мы не спать всю ночь! Пожалуйста… Спасибо.

Она повесила трубку.

— Инспектора, конечно, нет. Но его предупредят. Придется его подождать. Приготовить чай?

Получилось довольно странное чаепитие посреди ночи. Они старались двигаться бесшумно, не звенеть приборами и шепотом обсуждали непонятную кражу.

— Откуда они, эти предметы? — спросил Франсуа. — Может, их объединяет происхождение?

— Эти вещи принадлежали моему деду, — ответил Боб. — Мне кажется, что руку он купил в Риме. Откуда слон — не знаю. Скорее всего, с Цейлона, оттуда же Будда и еще несколько вещиц. Кинжал из Лондона. Что касается пистолетов, то дед получил их от атташе посольства после одной дуэли. Это было еще до 1914 года. Я часто слышал эту историю. В Сиднее между другом моего деда и одним немцем из консульства произошла ссора. Мой дед был секундантом на дуэли и потом получил в подарок эти пистолеты. Он ими очень дорожил.

— А… сама дуэль? — спросил Франсуа.

— Все прошло нормально. А теперь, если изо всего этого ты сможешь извлечь дедукции, я скажу тебе «браво»!

Мисс Мэри задумчиво пила чай. Казалось, что болтовня двух мальчиков совсем ее не интересует. Франсуа вдруг понял, как далек мир подростков от интересов взрослых. Она, видимо, думала о раненом, о том человеке, за которого она вскоре выйдет замуж и который для нее был совсем иным, нежели просто героем неясной авантюры.

— Держим пари, что ты не раскроешь тайны? — предложил Боб.

— Это не тема для игры, — ответил ему Франсуа и заметил, что молодая женщина бросила на него удивленный и одновременно благодарный взгляд. Боб этого не заметил и потому продолжал:

— Слон не полый. Пальцы руки не отвинчиваются. Кинжал как кинжал. Пистолеты ты сам видел. Внутри них нет никаких тайников. Я держал эти предметы в руках много раз. Что касается коробки для пистолетов, то это обычная коробка, без двойного дна. Я думаю, что этот человек просто маньяк или ненормальный.

Франсуа, в котором явно сидел дух противоречия, возразил:

— А если это коллекционер?

Боб пожал плечами.

— Возьмем для примера пистолеты. Что в них особенного? И не новые, и не такие уж старинные. Вряд ли они дорого стоят. Кинжал — это вообще пустяк. Рука — это да, это, может быть, более дорогая вещь. Может быть, это слепок с руки какой-нибудь знаменитой личности.

— Боб, — вмешалась мисс Мэри. — Ты пьешь слишком много чая, ты не сможешь уснуть.

Но мальчик был страшно возбужден.

— Разве дело в этом? Я думаю о папе. Что он скажет? Ведь все, что принадлежало деду, — это священно. Кроме того, я все время представляю себе лицо Морриссона. Он решит, что мы над ним издеваемся. Морриссон вам нравится? Он ничего, правда?

В этот момент они услышали, что за изгородью остановилась машина.

— А вот и он! — сказал Боб. — Сейчас посмеемся!

— Боб, веди себя достойно!

Мисс Мэри, должно быть, подумала в этот момент, что воспитание этого мальчика, так долго предоставленного самому себе, будет непростым делом.

Втроем они пошли открывать ворота инспектору, который был явно недоволен, что его побеспокоили в такой поздний час. Мисс Мэри коротко рассказала ему о событии. Как и предвкушал Боб, Морриссон просто подпрыгнул, когда услышал, что именно украдено.

— С ума можно сойти! — воскликнул он. — И ради этого так рисковать! Ведь на этот раз злоумышленнику нужно было перелезть через изгородь. Ведите-ка меня в ваш салон.

Скривив губы, инспектор долго изучал вырезанную часть оконного стекла.

— Это сделано довольно неумело, — заметил он. — Наверное, шуму было много. Кто спит в комнате над салоном?

— Я, — ответила мисс Мэри. — Я слышала какой-то скрип, видимо, когда вор поднимал раму.

— Разберемся, — мрачно бросил инспектор. — Если я правильно понимаю, один из этих предметов должен скрывать в себе тайник.

Боб локтем толкнул Франсуа.

— Нет, — ответила мисс Мэри. — Никаких тайников. И, кроме того, господину Скиннеру нечего было утаивать. Самым драгоценным в его доме были его записи, а они уже украдены.

Морриссон с многозначительным видом начал осматривать мебель и книги, время от времени бросая через плечо вопросы:

— Больше ничего не пропало? Вы уверены? Часто ли господин Скиннер заходил в эту комнату? Не являются ли украденные вещи именно теми, к которым он был привязан более всего?

— Он «плавает», — шепнул Боб на ухо Франсуа.

— Хорошо, — заключил инспектор. — Завтра я повидаюсь с господином Скиннером. Думаю, что только он сможет дать мне полезные сведения. Доброй ночи! — Он неловко поклонился мисс Мэри. — Я думал, что здесь больше нечего красть. Я ошибся. Прошу меня извинить.

И, не обратив на мальчиков никакого внимания, вышел.

— А мы… — бурчал Боб, — нас…

— Нас ни в грош не ставят! — сказал Франсуа.

— Вот именно! Какой невежа!

В эту ночь Франсуа решил вести дневник. Поскольку спать ему не хотелось, он взял бумагу и вначале изложил события, свидетелем которых он был, а потом описал свои впечатления. Это было очень интересно и в то же время полезно.

Только начав писать, он понял, что не может составить портрет людей, которые его окружали. Например, Боб. Да, он хороший мальчик. Но, обрисовав его, Франсуа надолго задумался. Вот дальше-то и начинается тайна! Каковы на самом деле его отношения с отцом? А с мисс Мэри? В чем Франсуа был уверен, так это в том, что Боб в некоторой степени страдал комплексом неполноценности. Правда, он сам смутно представлял, что означает этот научный термин. А господин Скиннер? Кто он? Прекрасный инженер, это так. А какой он человек? «Если бы я лучше знал жизнь, — думал Франсуа, — я уловил бы массу деталей, которые сейчас не замечаю. Я считаю себя взрослым, а на деле мир, который вокруг меня, совсем непонятен. Черт возьми, скоро уже три часа! Я еще никогда не ложился спать так поздно!»

Лежа в постели, Франсуа еще долго оставался под впечатлением от своего открытия об ограниченности его мира и возможностей. Весь следующий день он был рассеян, жил как бы вне всего окружающего. Он впервые понял, что изучать лица интереснее, чем вещи.

Они навестили господина Скиннера. За прошедшие два дня он как будто постарел. Неровная и жесткая щетина делала его тонкое лицо расплывчатым. Взгляд был лихорадочный. Казалось, что он чего-то боится. Впрочем, это было неудивительно, потому что операция была назначена на завтра.

Около его постели сидел господин Меррил. Эта личность показалась Франсуа более понятной. Полное лицо, перерезанное полоской строгих усов, порыжевших от чрезмерного курения, красный нос, серые с красными прожилками глаза, причем правый глаз больше левого. По лбу шла красная полоска от шляпы. А акцент! Акцент был такой, что господин Скиннер мог бы только от него заболеть! Меррил был явно самоучка, добившийся в жизни всего с помощью кулака, — прямая противоположность господину Скиннеру. Как они смогли договориться между собой? А голос! Каркающий, охрипший. Каждую фразу он начинал словами: «Я, мой дорогой» или «Я, моя дорогая мадемуазель»… Зачем он сюда пришел? Движут ли им дружеские чувства или он просто ценит того, кто стоит миллионы? Скорее всего, и то и другое.

Господин Скиннер и мисс Мэри обменялись выразительными взглядами. Ясно, что Меррил был совершенно некстати. Визит к раненому получился коротким. Конечно, говорили о второй краже, такой странной и загадочной. Господин Скиннер подтвердил, что украденные вещи не очень дороги. Он тоже не понимал, почему были взяты именно они. Но этому событию он, казалось, не придавал особого значения.

— Завтра мы снова приедем, — сказала мисс Мэри.

Франсуа заметил, что господин Скиннер кинул на нее отчаявшийся взгляд. Почему? Хирург ведь настроен весьма оптимистично! Но Франсуа не был на месте раненого и поэтому не мог понять его.

— Сходите в зоологический сад, — предложила мисс Мэри. — У меня много дел по дому и еще надо найти какого-нибудь рабочего, чтобы починить раму.

Прогулка получилась немного тоскливой. Конечно, Франсуа еще никогда не видел такого прекрасного зоопарка. Но у Боба интереса к нему совершенно не было. Они долго бродили около бассейна с пингвинами, потом по павильону насекомых и отделению пресмыкающихся. Они видели хищников, жирафов и слонов. Неожиданно Боб произнес:

— Папа меня беспокоит. Он очень изменился.

— Но это неудивительно.

— Ты меня не понял, мне кажется, что его душу что-то гложет.

— Объясни подробнее…

— Я чувствую, что-то не то, и все. И это «что-то» происходит между ним и Меррилом… Посмотри, здесь раньше жила гигантская панда, она умерла… Я не люблю Меррила. Он думает только о своей выгоде. Он, должно быть, сердит на папу. А папа же не виноват, что на него напали и украли бумаги!

Поздно ночью Франсуа все еще писал. Он записывал все, даже самые обыкновенные вещи, потому что ничего нет обыкновенного, теперь он был в этом убежден. Например, госпожа Хамфри надулась. Почему? Возможно, ей было неприятно, что мисс Мэри хозяйничает в доме, вот сама позвонила стекольщику, в то время как этим должна была заняться она. Она же должна была закрывать ставни. Господи, что же будет, когда мисс Мэри станет госпожой Скиннер? Видимо, гувернантка уйдет. Возможно, именно поэтому обед был невкусным. Мясо было переварено, а

картофель недожарен. При стремлении оставаться все время в тени, госпожа Хамфри была личностью! Ее глубоко потрясла вторая кража. Что кто-то пришел за папкой, уже было из ряда вон. Но украсть предметы, в некоторой степени находившиеся под ее охраной, потому что она каждый день стирала с них пыль, — уж совсем ни в какие ворота! Она решила, что эта выходка была нацелена именно против нее. «Этого никогда бы не произошло во времена моего бедного Господина, — говорила она. (Бедный Господин — это был отец господина Скиннера.) — Во времена моей молодости люди были иначе воспитаны». И конечно, она ставила это в вину мисс Мэри, которая была там и ничего не предприняла. Следовательно, она причисляла ее к категории людей, воспитанных плохо.

Франсуа записал еще несколько мыслей, перечел, зевнул. Уже давно пора лечь в кровать. Но поскольку было жарко, он открыл окно и приподнял ставни. Как жаль, что сад так неухожен! Но теперь у господина Скиннера будет возможность нанять, наконец, садовника. Если у него и был сложный период, то отныне, благодаря господину Меррилу, он выходит из затруднений. Далекий свет фонаря бросал бледные отсветы на сад и слабо освещал аллею. И вдруг Франсуа откинулся назад. Он заметил в саду движущуюся тень.

Франсуа был страшно взволнован, но, несмотря на это, он высунул голову из окна. Нет! Это был не вор. Это была… мисс Мэри, которая собиралась уезжать. Он сразу узнал ее. Она шла к ограде и несла в руках что-то вроде пакета. Франсуа не верил своим глазам! Чемодан! Но почему мисс Мэри уезжает вот так ночью, никого не предупредив? Это так на нее не похоже.

Франсуа больше не раздумывал. Он решил не терять времени и даже не стал надевать брюки и тапочки. Мальчик на цыпочках вышел в коридор, тихо спустился с лестницы, пересек вестибюль и заметил, что дверь осталась полуоткрытой. Значит, мисс Мэри собиралась вернуться. Но тогда зачем она взяла чемодан? Вдруг Франсуа подумал, что действия молодой женщины его не должны касаться и что он, как приглашенный в этот дом, не должен вмешиваться в чужую жизнь. Но, с другой стороны, приглашен-то он господином Скиннером и, значит, обязан действовать даже тайно, если вдруг заметит в доме что-то необычное, особенно имея в виду то, что произошло. Поведение же мисс Мэри показалось ему более чем странным. Осыпавшаяся листва позволяла легко вести слежку, и Франсуа удалось подойти совсем близко. Мисс Мэри остановилась у ограды, но вместо того чтобы открыть калитку, поставила чемодан на землю и стала ждать. Франсуа спрятался за каштаном. Сейчас он мисс Мэри видел лучше и с удивлением отметил, что она в халате. Тогда Франсуа наконец понял. Кто-то должен подъехать.

Он уже не удивился, когда заметил по другую сторону решетки тень человека. К сожалению, свет фонаря был не настолько силен, чтобы Франсуа мог различить его лицо. Силуэт, который он видел, позволял сделать вывод, что это довольно высокий человек. Мисс Мэри произнесла несколько слов, потом подняла чемодан и попыталась просунуть его через прутья решетки. Человек помог ей, сжав бока чемодана, от чего он стал уже и прошел через прутья. Человек взял чемодан и быстро растворился в темноте.

Мисс Мэри не двигалась. Прошли две-три минуты, и в конце улицы послышался звук отъезжающей машины. Мисс Мэри еще немного послушала и направилась обратно к дому. Она прошла совсем рядом с затаившимся Франсуа. Мисс Мэри промокала глаза белым платком, она плакала...

Она плакала! Франсуа как будто приковало к земле. Что все это значило? Кто был этот человек? Сообщник? Но сообщник в чем? Само это слово было оскорбительным. Мисс Мэри не способна на недостойные действия! Он направился к дому, но шел медленным шагом, чтобы дать возможность молодой женщине вернуться в дом. Но вдруг знакомый звук заставил его подпрыгнуть. Мисс Мэри заперла входную дверь. Он услышал, как защелкнулся замок. Он заблокирован в саду!

Но нет. Это было бы просто глупо. Мальчик на цыпочках подбежал к двери, подергал за ручку. Увы! Позвонить? Тогда придется во всем сознаться. Какой стыд! Остаться до утра на площадке перед входом и попытаться незаметно проскользнуть в дом, когда откроют двери? Провести на улице всю ночь? Так можно и воспаление легких подхватить. Ну нет! «Глупец! Тупица! Кретин!» Но напрасно Франсуа себя ругал, это ничем помочь не могло.

Он ходил вокруг дома, осторожно ступая по гравию, который колол его босые ноги. Дверь кухни тоже была заперта, и все ставни тщательно закрыты. Он вернулся к главному входу в дом, сел на верхнюю ступеньку и стал размышлять. Что же предпринять?

«Без Козыря! Старик! Настало время действовать!» Франсуа чувствовал себя виноватым. Как объяснить свое поведение? Может, сказать, что он иногда подвержен лунатизму? Нет, это будет смешно. Чтобы хоть немного согреться, мальчик начал растирать себе ноги, руки и бока.

Что за нелепая идея следить за мисс Мэри? Давно бы уже спал в своей теплой постели.

Одно окно в доме было открыто. Да ведь это его окно! Вот это да! Значит, не все потеряно.

Он отошел подальше, чтобы лучше видеть фасад. Водосточной трубы около окна не было. Выступов в стене тоже. Но по стене неровно вился плющ. И если он достаточно прочный…

Франсуа раздвинул листву и потрогал узловатые ветви. Прекрасно! Подняться надо всего на три-четыре метра. Он повис на одной ветви, попробовал, выдержит ли она его вес. Все должно получиться. Но вот только листва сильно шуршит.

СУМАСШЕДШАЯ ПРОДЕЛКА

Его руки довольно легко находили узлы, за которые можно было ухватиться. Они ощупывали ветки, камни, из которых были сложены стены, и как будто спрашивали: «Можно ли двигаться дальше?» А вот ноги слушались плохо. Они соскальзывали, задевали листву и то и дело обрывались в пустоту. Тогда Франсуа чувствовал вес своего тела. Оно тянуло его вниз. Мальчик очень замерз. Плющ был мокрый, пижама прилипала к телу и стесняла движения. Он задыхался.

Край окна был еще далеко. Франсуа на секунду остановился, зацепившись за стену пальцами рук и ног. У него пересохло в горле. Он убеждал себя: «Я могу… я могу…», но силы были на исходе. Однако он все-таки снова медленно и тяжело начал взбираться вверх. По мере того как он поднимался, ветви плюща становились все тоньше. Они были скользкие и узловатые. Приходилось искать справа и слева более крепкие ветви и двигаться зигзагом. Земля была уже далеко, и опасность упасть возрастала. К счастью, второй этаж был сложен из шишковатого и пористого песчаника, за который цепляться было легче, чем за гладкие стены первого этажа. Осторожно приподняв голову, чтобы не потерять равновесие, Франсуа прикинул расстояние до окна. Он понял, что выползает прямо под подоконник, что усложняло его положение. Он не сможет перебраться через широкий выступ.

Неужели надо начинать сначала? Нет. Это слишком тяжело. Тем более он не Тарзан. Единственным выходом оставалось обогнуть окно, а потом суметь изогнуться так, чтобы поставить ноги на подоконник. Но очень скоро Франсуа понял, что это слишком большой риск. И тогда, распластавшись по стене, с раздвинутыми в стороны ногами и руками, он на какое-то мгновение замер. Ему не удавалось подтянуть левую ногу. Она его не слушалась. Его переполнило чувство гнева, беспомощности и страха, и на глазах у него выступили слезы. Наконец ему удалось оторвать тело от стены и подтянуть его к левой ноге. За эти секунды он пережил странное ощущение, что его конечности не зависят от него. Их придется уговаривать. Правая рука, например, сама уходила под листву, щупала ветки, останавливалась. Франсуа ее убеждал: «Ну, вперед! Еще дальше! Я держусь…» Но рука вела себя неуверенно. Она то выпускала уступ или ствол плюща, то снова за него цеплялась. Правая нога онемела. По ней вдруг пробежала резкая судорога, и Франсуа ободрал кожу о мокрый шершавый камень.

Франсуа подбадривал себя, ругал и умолял. И наконец ему удалось доползти до окна. Последний рывок! Пальцами он цепляется за перекладину окна и бросает свое тело в комнату. Перед глазами все пошло кругами, кровь бросилась в голову. Неужели все позади?

В памяти почему-то всплыли слова госпожи Хамфри: «Во времена моей молодости люди были лучше воспитаны». Франсуа принялся хохотать. С этим хохотом из него выходил пережитый страх. Он уже иначе смотрел на все происшедшее и считал его обычным злоключением.

А ведь она права, славная госпожа Хамфри. Действительно, только плохо воспитанные люди возвращаются к себе домой через окно!

Он поднялся и, прихрамывая, пошел к изголовью кровати, чтобы зажечь лампу. Стал рассматривать царапины и ссадины на теле. К счастью, ничего серьезного не было. Легкий порез на пальце правой ноги, ссадина на левой руке. Он растерся полотенцем, сменил пижаму и лег спать. Как хорошо лежать в теплой постели! Но, увы, если он надеялся быстро уснуть, то ошибся. Он очень устал, и усталость придавала его мыслям почти болезненную обостренность.

Конечно, его прежде всего беспокоило, почему это вдруг мисс Мэри встречается с кем-то ночью? И почему отдала ему чемодан? Что было в этом чемодане? Есть ли связь между этой встречей и кражей? А что, если в чемодане как раз и находились украденные предметы? Во-первых, это был даже и не чемодан, а, скорее, плоский чемоданчик ненамного больше кейса. Слон, мраморная рука, кинжал и пистолеты там могли прекрасно разместиться. Но тогда…

«Итак, Без Козыря, дорогой старик, — думал Франсуа, — надо расследовать до конца. Если твои подозрения верны, то тогда ясно, что ограбление предыдущей ночью было просто имитацией».

Нет, все-таки это ерунда. И однако… Эта молодая женщина первой подняла тревогу. По ее словам, она услышала шум. Спрашивается, зачем же ей надо было вырезать кусок стекла? «Сделано довольно неумело», — сказал инспектор. Тот, кто вырезал стекло, явно очень спешил.

Мисс Мэри могла знать, что она не многим рискует, так как именно она занимала комнату над салоном. Никто другой, кроме нее, и не мог услышать шум. Эта догадка, кажется, начинает походить на правду. Мисс Мэри вырезает стекло, чтобы создать впечатление, что грабитель пришел извне; уносит из салона предметы и прячет их у себя. А потом поднимает тревогу. Мальчики думают, что вор еще в салоне. Им кажется, что они даже слышат какой-то шум. Но на самом деле это хлопает ставня. Кстати, почему Морриссон вдруг засомневался в их показаниях?

Франсуа сбросил с себя простыню и пошел выпить воды. Но это ему не помогло. Лихорадочные мысли не отступали. Вывод напрашивался ужасный: мисс Мэри была сообщницей! Но в каком деле? Участвовать в краже красной папки она не могла, документы были унесены из дома, когда она находилась еще у себя. Боб ведь разговаривал с ней по телефону. А вещи, которые она передала незнакомцу, и так ей уже почти принадлежали. Вскоре она должна была выйти замуж за господина Скиннера. Наконец, если незнакомец был именно тем человеком, который ранил инженера, то, значит, мисс Мэри была с ним заодно? Бред какой-то!

Но когда мысль бредовая, случается, что она, как кошмар, постепенно овладевает человеком. Так произошло и с Франсуа. Он вертел эту версию и так, и эдак, и чем дальше, тем правдоподобнее она ему казалась. Он понял, что нащупал важную деталь, но все-таки еще продолжал себя спрашивать, не ошибается ли. Правда и ложь перемешались. Неужели мисс Мэри виновна? Или ее вины нет? Почему она плакала? Этот человек ее шантажировал? Может быть, он угрожал ей каким-то позорным разоблачением? Но в этом случае от нее требовали бы денег, а не слона и не мраморную руку. Так, путаясь в невероятных подозрениях, Франсуа, наконец, заснул.

Когда он проснулся, все эти ночные мысли показались ему чистейшим абсурдом. Он хотел их прогнать. Но на душе была какая-то тоска. Он встал. Все тело болело. Левая ладонь слегка припухла. После двадцатиминутной гимнастики он почувствовал себя немного бодрее. Раздвинув занавески, он увидел серое небо. Шел дождь. Какой здесь странный климат, как часто меняется погода! Впереди совсем невеселый день.

Он спустился в столовую и увидел мисс Мэри.

Хорошо причесанная, в элегантном пуловере и твидовой юбке, легкая и грациозная. И, как обычно, ровная и спокойная. Но где-то в глубине ее глаз Франсуа заметил завуалированную меланхолию человека, связанного обстоятельствами. Франсуа, стараясь казаться веселым, принялся за завтрак. А мисс Мэри стала звонить в госпиталь.

Спустился Боб.

— Привет! Хорошо спал?

— Отлично, — бодро ответил Франсуа.

— Видишь, какая погода. Мы собирались в Британский музей. Пожалуй, неохота. А что, если пойти в музей мадам Тюссо?[18] Это вроде вашего музея Гревена[19]. Там есть классная комната ужасов. Ну как?

Вернулась мисс Мэри, и Боб поделился с ней своими мыслями по поводу музея.

— Сходите одни, — ответила она.— Все эти ужасы меня угнетают. И, кроме того, момент мне кажется неподходящим. Я только что говорила с медсестрой. Джонатан ночью спал спокойно. Операцию решено делать завтра. Давайте сейчас все вместе заедем в госпиталь, а потом — свобода каждому! Я не хочу вам мешать. Зайдите в какой-нибудь итальянский ресторанчик. А послеобеденное время проведите, как вам хочется. Единственно, о чем я вас прошу, так это быть дома к семи часам. Согласны?

— Согласны!

Она смотрела на мальчиков с улыбкой, и эта улыбка была такой приветливой, такой открытой и полной доверия к ним, что Франсуа показалось, что его подозрения исчезают, как сон. На жжение в левой ладони все-таки напоминало ему о его ночной вылазке. Ночью он видел другую Мэри. Та, что была сейчас с ними, была кристально чиста. Значит, есть Мэри дневная и Мэри ночная. Одна невиновна, другая виновна.

— Отправимся через полчаса, — добавила молодая женщина.

Дурачась, ребята устроили возню из-за того, кто первым войдет в туалет.

---

[18] Музей восковых фигур в Лондоне.

[19] Музей восковых фигур в Париже.

— У мисс Мэри случайно нет брата? — неожиданно спросил Франсуа.

Боб, пытаясь пригладить стоявшие торчком волосы, ответил:

— Брата? Нет, старик. Ни брата, ни сестры. Странные мысли у тебя с утра.

— Она работает?

— Нет. Ей повезло, она получила в наследство прекрасное маленькое поместье. И еще кое-какая рента. Для меня это было бы все, что нужно. Рента с компании «Астон-Мартин»[20], представляешь? К несчастью, отец думает иначе. Мой папа математик, и он считает, что я тоже должен им стать.

Мисс Мэри уже сигналила с улицы.

— Этот драндулет выжимает от силы сто семьдесят, — шепнул Боб, влезая в красивую машину мисс Мэри.

По крыше машины забарабанил дождь. Глядя на дорогу через забрызганное боковое стекло, Франсуа совершенно не узнавал окрестности. А Боб продолжал болтать:

— Знаешь, что мне было бы по душе? Рисовать! Я хотел бы работать декоратором в театре или кинематографе. Мой преподаватель рисования считает, что мне следует этим заниматься. Я покажу тебе мои рисунки. Мое творчество в загоне, потому что в нашем доме царят куклы-автоматы.

Он наклонился к уху Франсуа и, кивнув в сторону мисс Мэри, сосредоточенно смотревшей на дорогу, шепнул:

— Она на стороне отца, тоже против меня. Знаешь, я рисую тайком.

Они въехали во двор госпиталя и в конце стоянки увидели старенький «моррис» господина Скиннера. Минуту спустя они уже входили в палату, где лежал раненый. Инженер был побрит и казался осунувшимся и бледным. Он протянул пришедшим слегка дрожащую, худую руку. Мисс Мэри нагнулась к графику температуры, прикрепленному над кроватью, и сказала:

— Тридцать семь и семь. Это очень хорошо!

—Да, — ответил он с усилием, — я выкарабкаюсь. Как дела, молодые люди? Не беспокойтесь за меня. Проводите время весело. И не считайте себя обязанными навещать меня каждый день. Не такое уж приятное я представляю зрелище!

— Папа, что ты! — запротестовал Боб.

— Последуйте моему совету. Франсуа не должен превращаться в сиделку. Я хотел бы, чтобы вы почаще куда-нибудь ходили. Знаете, вы, пожалуй, доставите мне большое удовольствие, если тотчас же уйдете. Куда вы собираетесь?

— В музей мадам Тюссо, — ответила мисс Мэри с легким неодобрением.

— А почему бы и нет, это забавное место. Боб, у тебя есть деньги?

— Да, папа, у меня есть все, что нужно.

— Ну что же. Гуляйте. Веселого вам дня!

Мальчики были еще такими юными и преисполненными энергии, что оба испытали трусливое облегчение от того, что могли, наконец, покинуть палату. Они так быстро вышли, что чуть было не сбили с ног человека за дверью, который поспешно повернулся к ним спиной и устремился в конец коридора.

— Ты идешь? — спросил Боб.

Франсуа, который уже сделал было несколько шагов, вдруг остановился и потянул друга за рукав.

— Этот человек… Мне кажется, что он подслушивал.

— Думаешь?

— А что еще он мог делать под дверью?

Они подошли к стеклянной перегородке, за которой днем и ночью дежурила медицинская сестра. Коридор переходил в холл, украшенный цветами. Холл соединялся двустворчатой дверью с внутренним двориком.

— Что он делает там? Почему он не входит ни в одну палату?

---

[20] Крупная английская компания, производитель спортивных машин высшего класса.

Незнакомец повернулся и закурил сигарету. Мальчики увидели его в профиль, а потом и анфас. Огонь зажигалки осветил лицо. Ошибки быть не могло! Хотя у этого человека не было ни бороды, ни усов, они узнали в нем того самого типа, который приходил в дом накануне кражи.

— Он изменил внешность, — прошептал Боб.

— Да. Скрываемся!

Они быстро направились к выходу.

— Что будем делать? — спросил Боб. — Нельзя его упустить. Позовем полицейского?

— Ты видишь поблизости хоть одного? А потом, пока ему объяснишь! Нет, это не годится. А что, если мы проследим за ним?

Они зашли в сад напротив главного входа в госпиталь.

Из-за дождя сад был пуст.

— Торчать здесь нам нельзя, — сказал Франсуа.— Он заподозрит неладное.

— Папина машина! — вспомнил Боб. — Она в конце стоянки. Помнишь?

Спасаясь от ливня, они быстро укрылись в стареньком «моррисе». Ключи так и висели на своем месте. Боб включил дворники. Отсюда хорошо был виден выход из госпиталя. Ребята были уверены, что злоумышленник скоро появится, так как его должно было встревожить их поспешное бегство.

— Что я тебе говорил! — воскликнул Франсуа. — Вот он! Сомнений нет, это тот самый!

Человек оглядывал сад. Потом выкинул сигарету, вынул из кармана связку ключей, подбросил ее на руке.

— Мы должны были предвидеть, что у него есть машина, — сказал Боб. — Что теперь будем делать?

— Ты ведь умеешь водить?

— У меня нет прав.

— Но ведь речь идет о том, чтобы помочь твоему отцу!

— Хорошо, я попробую, — ответил Боб. — Но это может плохо кончиться.

Мотор завелся с первого оборота. Незнакомец шел через сад к стоянке. Он открыл дверцу «остина»[21] и сел за руль.

— Выезжай, только осторожно, — говорил Франсуа. — Очень хорошо. Ты водишь, как взрослый. Видишь его? Постарайся следовать за ним незаметно.

Перед тем как выехать на улицу, «остин» чуть было не зацепил небольшой грузовичок.

— Он ведет машину не лучше меня, — отметил Боб.

— Нет, — возразил Франсуа после некоторого раздумья, — он просто иностранец. Он не привык к левому движению.

И действительно, машину незнакомца все время тянуло к середине улицы, что на первом же перекрестке вызвало несколько предупредительных свистков полицейского.

— Ты знаешь, в каком направлении он едет? — спросил Франсуа.

— Ни малейшего понятия. Я стараюсь не потерять его из виду. Но я не могу быть одновременно и пилотом, и штурманом. Когда заметишь какой-нибудь автобус, скажи мне его номер. Тогда я соображу.

Как только машин на дороге становилось меньше, незнакомец увеличивал скорость. Боб едва поспевал за ним. Франсуа сидел скрючившись, однако старался следить за чередованием улиц, пытался опознать памятники, мелькающие за окном, и без конца протирал платком ветровое стекло. Автобусы пролетали мимо них, как огромные тени в тумане дождя, и различить их номера было абсолютно невозможно.

— Мы на мосту. По нему проложен железнодорожный путь.

Боб не ответил. От напряжения у него на лбу выступили капельки пота. «Остин» обогнал грузовик. Боб хотел поехать следом, но откуда-то выскочила другая машина, и он уступил ей дорогу, потом запутался в скоростях. Ослепленный грязной волной, взметенной проехавшим мимо грузовиком, он почти наугад резко подал машину вправо, потом влево. Заскрежетали тормоза.

— Я его вижу, — закричал Франсуа.

---

[21] Марка английских легковых машин.

«Остин» продолжал двигаться на большой скорости. Небо так потемнело, что пришлось зажечь подфарники, чтобы разглядеть дорогу. За окном потянулся какой-то пригород.

Боб с беспокойством поглядывал на счетчик бензобака.

— Боюсь, нам не хватит бензина. Папа всегда забывает вовремя заправиться.

— Будем надеяться, что этот тип живет не очень далеко. Сколько километров мы проехали?

— Когда мы отъехали, я не догадался посмотреть на счетчик, но думаю, не больше семи-восьми.

Они двигались теперь вдоль складов, заводов, пересекли квартал одноэтажных, похожих друг на друга домиков.

— Хоть я всю жизнь живу в Лондоне, но сейчас просто не представляю, где мы находимся. Должно быть, это какое-то северное предместье.

Вдруг «остин» резко повернул влево. Застигнутый врасплох Боб, забыв выключить сцепление, затормозил. Мотор заглох. Потребовалось время, чтобы снова его завести и развернуться. «Остина» уже не было видно. Но узкая дорога, на которую они свернули, была совершенно прямая, без ответвлений. Шла она вдоль огородов, садов, потом через пустыри. Боб прибавил скорость. Франсуа оперся руками на переднюю панель. Он не решался посоветовать Бобу хоть немного сбросить скорость, хотя понимал, что если на этой размытой дороге они натолкнутся на какое-нибудь препятствие, то машину занесет. Что и произошло несколько минут спустя, когда они увидели «остин», стоящий на обочине. Боб резко затормозил. Машина затанцевала, закрутилась то вправо, то влево. Боб так вцепился в руль, что глаза буквально вылезли из орбит. Автомобиль задел бортом стену какого-то дома и, наконец, остановился, перегородив дорогу. Мальчики посмотрели друг на друга. У обоих был бледный вид.

— Это было немного похоже на родео, — дрожащим голосом произнес Боб. — Я перепугался.

— Я тоже, — признался Франсуа.

Боб осторожно переставил машину на обочину, мальчики закутались от дождя и вышли. «Остин» был пуст. Человек, должно быть, вошел в маленький сад, в глубине которого виднелся одноэтажный дом. Франсуа откинул крючок с решетчатой калитки и открыл ее.

— Двоим туда идти не надо, — сказал он Бобу. — Жди меня в машине, не глуши мотор и будь готов сразу же тронуться, как только я вернусь. Я быстренько осмотрю дом.

Такой план был, конечно, немного сумасшедшим, и Франсуа это понимал. Ведь он имел дело с человеком, который не побоялся выстрелить в господина Скиннера. Осторожность требовала бы… Но Франсуа себе уже более не принадлежал. В игру вступил Без Козыря… Мальчик смело вошел в сад. Перебегая от одного дерева к другому, он наблюдал за домом и понемногу подобрался к нему совсем близко. Дом казался пустым. Однако ясно было, что незнакомец должен находиться там. Без Козыря посмотрел на часы. Они показывали полдень. Он легко перебежал площадку перед домом и заглянул в окно. Расположение комнат было примерно такое же, как в доме господина Скиннера. Вход, видимо, находился с другой стороны. Перепрыгивая через лужи, Франсуа обогнул дом и увидел приоткрытую дверь, которая вела в кухню. Может быть, незнакомец обедал? Прижимаясь к стене, юный сыщик подобрался к двери. Никого. Он тихо вошел. Кухня была обставлена наскоро, не было даже холодильника. Пол, видимо, подметали не часто. Еще одна дверь вела в холл. Без Козыря прислушался. Со второго этажа доносился стук пишущей машинки. Пока противник печатает, можно без риска осмотреться. Судя по всему, слуг в доме нет.

Без Козыря начал осмотр первого этажа. В столовой ничего особенного не обнаружилось. Там стоял буфет под стиль эпохи Регентства, и висели дешевые гравюры, изображавшие псовую охоту. В салоне пахло плесенью и запустением, Затем Франсуа перешел в маленький кабинет и... остолбенел. На столе, между телефоном и справочником, лежал чемодан. Это определенно был он, тот самый чемодан, который прошлой ночью исчез через прутья ограды! Мальчик открыл его. Так и есть! Мраморная рука, слон, кинжал, пистолеты. Сложено все наспех, кое-как. Франсуа без колебаний схватил чемодан. Теперь он сможет… Что он сможет? Смутить мисс Мэри? Пока он не знал, что будет с ним делать. Он был слишком потрясен. Виновность молодой женщины стала очевидной, а человек, который печатал там на машинке, был, видимо, как раз тот бандит, который ранил господина Скиннера. Может быть, еще рано делать выводы?

Мысли роились в его голове. Быстрее! Надо бежать. А потом сообщить об этом. Он вернулся в холл, и когда уже подходил к кухне, случилось неожиданное. Проходя по комнатам, он нигде не закрывал двери. Образовался сквозняк, и одна из рам громко хлопнула. Стук машинки тотчас же прекратился, и Без Козыря услышал на лестнице тяжелые шаги.

Он бросился в сад. Чемоданчик был довольно тяжелый и нарушал равновесие. «А вдруг он сейчас выстрелит?! — билось в голове у мальчика. — Надо же было мне лезть в это змеиное логово!» Добежав до изгороди, он обернулся. Незнакомец, разбрызгивая воду, мчался за ним. Без Козыря подбежал к машине, бросил чемодан на сиденье и крикнул другу:

— Гони! А то он нас схватит!

Мотор был достаточно разогрет, и Боб сразу же рванул с места.

— Езжай куда глаза глядят! — кричал Франсуа. — Главное оторваться от него!

— Ты принимаешь меня за Джеки Стюарда![22]

Без Козыря встал на колени на заднее сиденье, чтобы удобнее было следить за преследователем. Он увидел, что незнакомец тоже садится в машину.

— Постарайся двигаться в сторону Лондона! — кричал Франсуа. — Если он нас и нагонит, то там не рискнет напасть.

При первом же повороте Франсуа швырнуло на дверь. Однако он подбодрил Боба:

— Молодец! Жми!

«Остин» мчался за ними, взметая облака водяных брызг.

— Я забрал пистолеты, слона и прочее, — сказал Без Козыря. — В этом чемоданчике все! Хоп!

Они чуть было не столкнулись с грузовиком.

— Если бы у меня был мой мотоцикл, — вздохнул Боб.

[22] Знаменитый английский автогонщик.

НЕПОНЯТНОЕ ПОХИЩЕНИЕ

— Старайся поворачивать направо, — бросил Без Козыря. — У него тенденция срезать на поворотах. Он может кончить тем, что куда-нибудь врежется,

Но эта тактика привела к тому, что очень скоро они перестали ориентироваться. То они ехали по улицам, и у них возникало впечатление, что они приближаются к центру Лондона, то, наоборот, вдруг оказывались в пригороде, где «остин» сразу набирал скорость. Силы бедного Боба были уже на исходе. Ему не хватало тренировки. «Остин» был уже совсем близко. Вдруг перед ними вспыхнул красный свет светофора. Мало того, счетчик показывал, что бензин кончается. Все пропало! Но все же маневр, предложенный Франсуа, оказался их спасением. Боб в очередной раз повернул направо. Забыв в пылу преследования о левостороннем движении, незнакомец повернул за мальчиками и машинально перешел на правую сторону. Он слишком поздно вспомнил, что совершает грубейшее нарушение правил движения в Англии. Он хотел перестроиться, но было уже поздно — его зацепил шедший навстречу мощный грузовик. Из-за поворота ребятам не было видно, что именно произошло с машиной их противника.

— Он влип, — сказал Франсуа Бобу. — Теперь можно ехать немного медленнее..

— Серьезная авария?

— Надеюсь, что нет. Но в любом случае он на какое-то время прикован к месту.

— Ты думаешь, он нас узнал?

— Конечно, нет. Если бы он заметил, что за ним следят, то не ехал бы так открыто к дому. А потом он следовал за нами на большом расстоянии и при таком дожде ничего не мог видеть, кроме задних фар. К счастью, твой отец не единственный обладатель «морриса».

— Ты прав.

Как ни странно, мотор продолжал работать. Возможно, просто счетчик был не отрегулирован. Они остановились у первой бензоколонки и наполнили бак.

— Где мы находимся? — спросил Боб у обслуживавшего их человека.

— В Хэтфилде.

— Хэтфилд! Подумать только!

— Где это? — спросил Без Козыря.

— На северо-востоке от Лондона. Я никогда здесь не был.

— Ты найдешь дорогу?

— Да, это не трудно. Интересно, сколько же километров мы отмахали?

Они не могли даже предположительно ответить на этот вопрос, потому что в пути и при поворотах даже не думали, куда едут. Главное было оторваться от преследовавшего их «остина».

Боб предложил съесть по сандвичу в первом же попавшемся ресторане.

— Знаешь, я больше не могу, — заявил Боб, усаживаясь за столик. — Мне приходилось водить машину, но я никогда не ездил на такой скорости. Тем более в городе. Представляешь, каково мне сейчас?

Франсуа слушал его вполуха. Он думал, открыть ли другу горькую правду. Это ведь сразу уличило бы мисс Мэри! А заодно рикошетом ударило бы и господина Скиннера с Бобом. Правда может разрушить этот очаг, который только-только начал складываться. Он, иностранец, приглашенный в дом, не имеет права проявлять инициативу. И в то же время мальчик понимал, что только он имел сведения, которые помогли бы инспектору Морриссону найти преступника.

— Ты не голоден? — спросил Боб.

Нет, Франсуа больше есть не хотел. Он в первый раз в своей жизни ощутил, что такое ответственность.

— Вот что я предлагаю, — снова начал Боб. — Оставим машину здесь. Во-первых, я ее вел, не имея прав. Во-вторых, мы знаем дом, где прячется преступник. Правда, мы не знаем адрес, и найти это место нам вряд ли удастся. В-третьих, ты вошел тайком в частное владение, что наказуется по закону. В-четвертых, мы послужили косвенной причиной автомобильной аварии. Если я правильно понимаю, мы с тобой не переставали совершать идиотские, запрещенные

законом поступки и в результате нисколько не продвинулись вперед. Ты представляешь себе выражение лица Морриссона, если мы ему обо всем этом расскажем?

— Да, но… чемоданчик!

— Давай оставим его в машине, хотя бы временно. Пожалуй, лучше отогнать автомобиль на стоянку госпиталя. Я так и сделаю, и на этом мы остановимся. Наш «моррис» никому не нужен, и чемодан будет там в безопасности.

— Хорошо, — сказал Без Козыря. — Но мисс Мэри будет расспрашивать меня о музее Тюссо.

— Ну что же, еще есть время. Мы его посетим.

Франсуа был так растерян от сложившейся ситуации, что даже обрадовался, что инициатива похода в музей принадлежит Бобу и ему самому не надо принимать решения.

Обратный путь они проделали с черепашьей скоростью. Боб старался быть предельно осторожным. Дождь лил не переставая. Всю дорогу Франсуа мучила мысль, что преступник на свободе и, следовательно, может еще навредить. Ребята поставили машину на стоянке госпиталя, и, к счастью, на них никто не обратил внимания. Редкие прохожие, закутавшись в плащи и закрывшись зонтами, торопились по своим делам.

Боб положил чемоданчик в багажник, и они спокойно удалились.

— Что все-таки случилось с этим типом? — спросил Боб.

— Я не разглядел. Видел только, что его зацепили и что он был прижат на повороте. Думаю, что особенных повреждений быть не должно.

— Иначе говоря, он еще мог нас догнать?

— Может быть.

Франсуа старался не думать о том, что этот рыжеволосый тип будет пытаться любой ценой заполучить чемоданчик, который почему-то очень важен для него.

Перед музеем стояла толпа. Как только они попали внутрь, Франсуа забыл свои страхи и волнения. Композиции из восковых фигур показались ему очень забавными. Виселицы, знаменитые палачи, подземные тюрьмы, карцеры — все это его не так интересовало. Его больше занимали необычное освещение, подчеркивавшее драматизм сценок, и театральные позы манекенов. Этот спектакль был в меру страшным. Посмотреть его все-таки стоило. Но самым любопытным оказался зал, где были выставлены восковые фигуры королевы, принца Филиппа и высоких сановников. Боб потянул Франсуа за рукав и прошептал:

— Хочешь посмотреть планетарий?

— Пойдем, — ответил Франсуа.

На самом деле ему просто хотелось оттянуть еще на час возвращение к разговору об их приключении, от которого он просто страдал.

Они поднялись в планетарий, очень напоминавший Дворец открытий в Париже. Та же архитектура, та же сухая поэзия созвездий, такие же трудно воспринимаемые и вызывающие головокружение цифры. Боб зевал.

— Лично меня, — сказал он, — звезды не очень волнуют. На нашем небе звезды увидишь не часто, а когда они появляются, я уже сплю. Я бы с удовольствием сейчас вздремнул. А ты? Ты не устал?

Франсуа не просто устал, он был разбит. Более того, он был подавлен. Мисс Мэри казалась такой чистой и совсем неспособной на нечестные поступки! А она оказалась сообщницей владельца «остина»! А этот человек был врагом господина Скиннера. Если Франсуа заговорит, он предаст молодую женщину. А если промолчит, то предаст инженера. В любом случае его роль ужасна. Оставалось только одно: вернуться во Францию, то есть бросить самым постыдным способом это дело и позволить восторжествовать злу. Если он уедет, он предаст Боба. Какое ему дело до Млечного Пути, до световых лет, до бесконечности мира, раз он остается пленником семьи Скиннеров!

— Я тоже больше не могу, — сказал он.

— Ну что же, вернемся домой.

Они сели в автобус и поспели как раз к чаю. Мисс Мэри была дома.

— Вы совсем промокли! — вскричала она. — Где это вы так?

— Мы немного прошлись, — объяснил Боб.

— Быстро переодевайтесь.

Полная искренней заботы, улыбающаяся, так хорошо владеющая собой! А этот взгляд, прямой и открытый! Франсуа занялся переодеванием с тяжелым сердцем. Он надел фланелевые брюки и теплый пуловер, сменил ботинки, но прежде чем спуститься вниз, мальчик открыл свой дневник и на мгновение задумался. Можно было записать в него столько нового! Но в результате он написал короткий комментарий, который полностью отражал его состояние: «Я ничего не понимаю!» Он засунул блокнот в самый дальний угол шкафа, под сорочки и платки.

А Боб внизу рассказывал о посещении музея мадам Тюссо. При этом вел себя совершенно естественно и непринужденно (его любимое выражение). Видя, как он намазывает масло на жареные хлебцы, трудно было представить, что всего несколько часов назад он гнал машину по дороге в пригороде Лондона и что его преследовал человек, готовый на все. Тот самый человек, который в предыдущую ночь… Франсуа взял у мисс Мэри чашку чая немного дрожащей рукой.

— А какие у вас планы на завтра? — спросила она.

— Завтра, — почти сухо ответил Боб, — оперируют папу. Поэтому у нас нет планов. Видно будет… Если все будет хорошо, может быть, мы сходим в Британский музей.

— Боб, — ласково заговорила мисс Мэри, — верьте мне, что я не менее вас беспокоюсь. Но мы должны уметь держать себя во всякой ситуации. Именно поэтому вы должны составить себе план. Договорились? Вы идете в Британский музей. Это наилучший способ поддержать вашего отца, продемонстрировав ему, что вы в него верите. Он сейчас так нуждается в этом!

Еще секунда, и она потеряла бы самообладание. Уголки ее губ начали слегка подергиваться. Ах, если бы знать, что на самом деле скрывается за этой маской холодной любезности! Конечно, она переживала за господина Скиннера. Но тогда почему она ночью передала этот абсурдный набор предметов человеку, который бродил по коридорам госпиталя?

Это шантаж? Мысль о шантаже крутилась в голове Франсуа, хотя она пока ничем не подкреплялась. Предстоящая операция как бы давала Франсуа отсрочку. В определенном смысле это было очень кстати. Если он все-таки решит уехать, то после операции поговорит. Такими рассуждениями Франсуа себя немного подбодрил и отправился рассматривать рисунки Боба, которые тот прятал на чердаке.

Франсуа был поражен! Он настроился увидеть прилежные, школьные рисунки, а перед ним были эскизы, свидетельствовавшие о явном таланте. У Боба был яркий дар карикатуриста. Несколькими штрихами мальчик передал забавные манеры госпожи Хамфри. С очками, сдвинутыми на лоб, с неодобрительным взглядом и скорбно поджатым ртом бедная гувернантка была даже более естественна, чем в жизни. Так же выразительно был сделан набросок с мисс Мэри. Это был не просто портрет, а позорный столб. Каждая деталь соответствовала оригиналу, но в целом лицо выражало презрительное безразличие, которое не было заметно на самой модели.

— Ты безжалостен, — заметил Франсуа. — Но у тебя, конечно, настоящий дар.

— Правда? — обрадовался Боб. — Подожди, я покажу тебе мои другие работы.

Неудивительно, что Боб предпочитал хранить в тайне ото всех свои рисунки.

— Я-то думал, что ты делаешь серьезные работы.

— Иногда. Но я больше люблю этот жанр. Это быстрее и забавнее.

— Но в Париже ты мне ничего об этом не говорил.

— Я не рискнул. Это ведь немного зло, то, что я делаю. Ты не находишь?

— Да. Немного.

— Эта работа меня успокаивает. Закончив портрет, я чувствую себя счастливым. Я даже не могу тебе объяснить это мое состояние.

— А не хочешь ли ты быстренько нарисовать меня?

— Нет. Только не тебя. Потому… потому, что я тебя люблю.

Они еще долго разговаривали, и вскоре между ними возникла такая близость, которая была куда сильнее товарищества, связавшего их в силу обстоятельств. Дождь стучал по крыше, капли падали им на головы, в щели дул ветер. Они сидели на полу, поджав колени, как мальчишки, играющие в песочнице, и серьезно разговаривали о будущем.

— Папа делает свои автоматы. Значит, я имею право делать мои карикатуры. Поучившись основательно, может быть, я смогу работать в какой-нибудь газете. А может быть, я попаду в театр. Знаешь, мне бы очень хотелось делать эскизы для театра.

Бедный старина Боб даже не подозревал, что на них надвигается беда с такой же неумолимостью, как эта ночь, которая постепенно наступала на чердак. Может быть, это и был как раз тот момент, когда надо все ему рассказать? Но откуда взять силы, чтобы разрушить их прекрасное взаимопонимание? Все нарушил голос госпожи Хамфри: «Обед готов». Боб спрятал свои рисунки, и мальчики спустились вниз. Обед прошел при гробовом молчании. Озабоченная мисс Мэри не поддерживала разговора. У Франсуа слипались глаза. Он не спал уже две ночи, и у него больше не было сил. Воспользовавшись первым же удобным случаем, он ушел к себе в комнату. Никаких размышлений, никаких заметок в дневнике, все завтра, а сейчас спать…

А назавтра все произошло, как бывает в сказках. Произносится одно заклинание, и что-то происходит. Телефон зазвонил, когда Франсуа принимал душ. Он слышал какую-то суету, крики, беготню, и внезапно его сердце сжалось. Неужели что-то с господином Скиннером? Но ведь врач уверял, что все будет нормально. И потом, операцию должны были делать позднее. Он выключил воду и начал спешно одеваться, когда в дверь забарабанил Боб.

— Входи.

Боб был так взволнован и так задыхался, что еле выговорил:

— Папу… папу похитили!

— Что?!

— Похитили! Морриссон только что нам сообщил.

Франсуа вместе с другом побежал вниз. Боб едва сдерживал слезы. Они нашли мисс Мэри в кабинете. Она сидела выпрямившись возле телефона с искаженным лицом и блестящими от слез глазами. Увидев ребят, она прошептала неузнаваемым голосом:

— Ничто нас не спасет.

Но ведь если она сообщница гангстера, она должна была быть в курсе его намерений? Тогда почему она в таком состоянии? Мисс Мэри не играла комедии, было видно, что она действительно в отчаянии.

— Боб, — сказала она, — мне нужна помощь. Будь умницей.

Она провела рукой по глазам, как будто хотела побороть дурноту, и заговорила снова, но уже твердым голосом:

— Предупреди госпожу Хамфри, пока я вывожу машину. Пошли со мной, Франсуа. Вы откроете ворота.

Они пошли в гараж. По дороге она рассказала Франсуа, что ей удалось узнать.

— Похоже, что Джонатан исчез при очень странных обстоятельствах. Медсестра ничего не видела, хотя и не выходила из кабинета, где дежурила. Как мне жаль, Франсуа, что вы вынуждены делить с нами это несчастье!

Что она имела в виду? Намекала, чтобы он вернулся в Париж? Видимо, нет, потому что тут же добавила:

— Какое счастье, что вы с нами. Пожалуйста, не оставляйте Боба. Я боюсь за него так же, как за Джонатана.

Франсуа не хватило времени обдумать сказанное, потому что к ним бежал Боб. Он вскочил в машину.

— Что сказала госпожа Хамфри? — спросила мисс Мэри.

— Она, как всегда, возмущена.

В пути все молчали. Перед мысленным взором Франсуа все время возникал рыжий человек, который, казалось, кого-то подстерегал в коридоре. Войти в палату, не пройдя мимо кабинета, где находится медсестра, невозможно. На деле все оказалось еще более сложным, чем думал Франсуа. Когда полчаса спустя они слушали рассказ инспектора, им казалось, что случилось просто невероятное. Вход в палату охраняли два полицейских, а Морриссон тщательно осматривал помещение.

— Это невозможно, — говорил он, растерянно ощупывая предметы. — Окно палаты выходит во двор. Оно закрыто изнутри. Значит, в него никто не влезал. Коридор выходит к запасному выходу, который открывается только изнутри и был тоже закрыт. Без помощи изнутри войти сюда никто не мог. Остается только коридор, который выходит к небольшой зал, где днем и ночью дежурит медсестра. Мимо нее никто не проходил. Как видите, вариантов не много. Или окно, или запасной выход, или коридор. Но мы уже понимаем, что ни один из этих путей не подходит. К

тому же господин Скиннер спал. Ему каждый вечер дают снотворное. Вынести спящего человека непросто. Для этого нужны два-три человека, а если один, то очень сильный. И эти люди, конечно, устроили бы шум. А мисс Норт, ночная дежурная, ничего не видела и ничего не слышала. Сразу предупрежу вас, что эта женщина вне всяких подозрений. Ничего не видела, не слышала и ни на секунду не покидала свой пост. Это просто невероятно!

Инспектор не мог усидеть на месте. Он выходил из палаты в коридор, потом снова возвращался в палату, машинально переставлял на прикроватной тумбочке лекарства, открывал и закрывал шкаф, в котором лежало белье, и время от времени повторял: «Невероятно!»

Потрясенный Боб грыз ногти. Мисс Мэри сидела с бесстрастным лицом. Она была не из тех, кто обнажает свои эмоции. А Франсуа, стоя немного позади, продолжал терзаться. Виновна? Невиновна? Настало ли время рассказать о ее ночной прогулке с чемоданом? А если она действовала по принуждению? А если ей тоже угрожали похищением или смертью?

— Мотив ясен, — сказал инспектор. — В досье, которое унес вор, он не смог найти сведений, необходимых ему для использования изобретения. Тогда он решил выкрасть господина Скиннера и заставить его говорить.

— Джонатан не заговорит, — сказала мисс Мэри.

— В этом случае…

Морриссон пожал плечами. У него не было сомнений: инженер обречен. Но чтобы подбодрить родственников, он с оптимизмом проговорил:

— Мы его найдем. Не так это просто — перевезти раненого так, чтобы никто этого не заметил. Нужно было украсть автомобиль «скорой помощи». Эта машина где-то останавливалась. Люди ее видели. Нет, я не беспокоюсь, мы скоро нападем на след. Единственный вопрос, это как господин Скиннер перенес этот переезд. Я думаю, что его увезли недалеко, по крайней мере, не дальше пригорода.

Франсуа и Боб переглянулись. Оба подумали о доме, куда они попали вслед за владельцем «остина». Но они не вспомнили бы дорогу, поэтому признание бесполезно. Они страдали оттого, что не могут помочь, а тем временем господин Скиннер, не имея необходимого ухода, может быть, умирает. Франсуа мучился еще и вопросом, должен ли он выдать мисс Мэри. Нет, это просто выше его сил. Пусть действует полиция.

Инспектор советовал им вернуться. Попросив их приехать в госпиталь, он хотел только показать, с какими трудностями столкнулся, и предупредить тем самым возможные упреки в медлительности с их стороны.

Всю обратную дорогу Франсуа с Бобом обсуждали, как же удалось вынести раненого. Был ли в госпитале сообщник? Нет, этого не может быть, инспектор ведь сказал, что медсестра вне всяких подозрений.

Мисс Мэри рассеянно слушала разговор мальчиков. Сама она в нем не участвовала. «Черт возьми, — думал Франсуа, — она знает, что произошло и где спрятан господин Скиннер. Она знает про этот дом!» И в его голове родился план. За мисс Мэри надо постоянно следить, слушать разговор, если она звонит по телефону, не спать, сторожить у ее окна на случай, если незнакомец вернется к изгороди. Это, конечно, немного бредовая идея… Во всяком случае, не надо исключать полностью этот вариант, ведь он дает хотя бы слабую надежду найти господина Скиннера. Конечно, Франсуа не питал особых иллюзий, он понимал, что бессилен. Ведь если молодая женщина пойдет, например, за покупками, он же не сможет следить за ней. Если она будет писать письмо, он не сможет его перехватить. Значит, он просто будет собирать новые данные, даже самые ничтожные, чтобы потом поднять по тревоге Морриссона. Выдать мисс Мэри Морриссону? А почему нет? Тем более что теперь жизнь господина Скиннера висит на волоске!

По возвращении домой они окунулись в обычные дела. Машину оставили перед входом. И пока мисс Мэри вводила в курс дела госпожу Хамфри, Боб начал сервировать стол, а Франсуа сел писать письмо родителям. В нем он излагал свои впечатления от музея мадам Тюссо и — почти ни слова о семье Скиннеров.

Госпожа Хамфри зажарила курицу, но никто к ней не притронулся. У Боба болела голова.

— Я тоже неважно себя чувствую, — сказала мисс Мэри. — Однако я должна позаботиться о продовольствии. А то у нас уже ничего нет.

Франсуа насторожился.

— Можно я вам помогу? — спросил он.

— О нет! Я привыкла делать все сама. Лучше составьте компанию Бобу.

Но Франсуа не проведешь! Происходило то, что он и предполагал. Она поедет к рыжему типу, Франсуа это чувствовал. Что делать? Он придумывал разные способы, но все они были нереальны. Наконец, ему пришла одна мысль, которая, может быть, была не очень удачной, но, пожалуй, единственно возможной в данных обстоятельствах. Помогая Бобу собирать со стола, он крутил эту мысль в голове.

— Ты должен отдохнуть, — сказал Франсуа. — Полежишь, восстановишь силы, а я пока займусь почтой. Часа в четыре, если не будет дождя, мы куда-нибудь сходим. Постарайся немного успокоиться. Морриссон хоть и не супермен, но у него огромные возможности. Ему надо доверять.

Боб проглотил две таблетки и согласился прилечь. А Франсуа предупредил мисс Мэри, что пойдет купить почтовых открыток, и сделал вид, что уходит. А на самом деле он спрятался за «даймлером». Он решил так: теперь или никогда!

Мальчик открыл багажник. Он был довольно объемный, хотя много места занимало запасное колесо. В багажнике даже был постелен кусок ковра. Франсуа убедился, что замок можно открыть и изнутри, и, оглядевшись вокруг, ловко скользнул внутрь и закрыл крышку. Конечно, было тесновато, но покрутившись немного, он нашел более-менее удобное положение. Воздуха было достаточно, так как машина была старой и крышка закрывалась неплотно. Хотя все равно сильно пахло маслом, резиной, кожей.

Франсуа подумал: «Какое невезение! Я опять не увижу дорогу, по которой мы поедем». Может быть, мисс Мэри поставит машину на стоянке какого-нибудь магазина? А вот когда она откроет багажник, чтобы сложить туда пакеты… Если ему до этого не удастся удрать, это будет позор, бесчестие и вообще что-то ужасное! Но рискнуть все же надо. Орел или решка? Мисс Мэри лжет или не лжет? Франсуа был почти уверен, что лжет и что на самом деле она поехала не за покупками.

Он съежился, когда услышал, что она приближается к машине. Затарахтел мотор, и «даймлер» тронулся. Выехав на улицу, мисс Мэри прибавила скорость.

«Если я проиграю, — думал Франсуа, — меня примут за хулигана. А если выиграю, то, может быть, стану героем. Решать тебе, старик Боб!»

ВСЕ НА КАРТУ

Определить направление движения из багажника Франсуа не мог. Он хотел приоткрыть крышку, но передумал. Его быстро обнаружат, а кроме того, это ничего не даст, так как он не знал Лондона. Мальчик повернулся на спину и согнул ноги. В голову лезли всякие тяжелые мысли. Он ввязался в эту авантюру, движимый только любопытством, которое на самом деле не имеет ничего общего с причинами, которые он придумывал. Просто его притягивала тайна, как огонь притягивает бабочек. Но бабочка в огне сгорает. Неужели и его ждет такая же судьба?

При очередном толчке он ударился коленками о крышку. Пришлось перевернуться на бок. Теперь его нос уткнулся в запасное колесо. Становилось жарко. Бандит, вернее, бандиты, так как он явно имеет дело с бандой, вполне могут его убить. Его фотография появится в газетах в рубрике «Разыскивается…». Франсуа представил, как будут несчастны родители. От волнения у него даже перехватило горло. «Я просто идиот, — думал он. — Банда! А что же мисс Мэри? Шеф банды? Я чересчур начитался комиксов. На самом деле все должно быть сложнее и, наверное, за этим скрывается какая-то драма».

Он почувствовал, что машина взбирается на какую-то возвышенность. Сзади нарастал тяжелый шум, потом раздались автомобильные гудки. Вскоре «даймлер» выехал на ровную дорогу и ускорил ход. Чувствовалось, что машина ехала по дороге между деревьями, слышался шелест листвы. Свернули на дорогу, полную выбоин. Вода из луж шлепала по колесам. Время от времени по дну машины била галька и затем отскакивала рикошетом в крылья корпуса.

«Видимо, подъезжаем, — подумал Франсуа. — Мы в пути уже минут сорок».

У Франсуа свело ноги, с лица лил пот. Его терпение было на пределе. Он подумал о несчастных собаках, которых охотники запирают в багажники машин. Если в один прекрасный день он поедет на охоту, свою собаку он посадит рядом с собой. Из-за газовых выхлопов мальчику становилось все тяжелее дышать. Франсуа стал искать замок крышки. Пусть лучше его увидят, чем он задохнется. Но пальцы не подчинялись ему. Франсуа стало страшно. Что, если ему не выбраться из этой ловушки? Он станет их пленником! Наконец ему удалось нащупать рычажок, который держал крышку багажника. Но в этот самый момент машина остановилась.

Хлопнула дверца. Шаги мисс Мэри удалялись. Послышался скрежет металла. Ясно. Это она открывает ворота того самого дома. Мисс Мэри вернулась, снова села в «даймлер» и медленно поехала по дорожке, посыпанной гравием. Снова остановка, и снова скрежет. Это она закрыла ворота. «Даймлер» снова поехал.

Франсуа представлял себе траву на газонах, деревья, площадку перед домом и сам дом. Надо было захватить карманный фонарик. Нет, это глупо. Ведь еще день, всего лишь три часа дня. Может быть, еще светит солнце. Эта мысль немного его успокоила. Все-таки он преувеличивал риск, связанный с поездкой. Сейчас мисс Мэри выйдет из машины. Да, она вышла, и гравий площадки заскрипел под ее шагами. Вот ее каблучки простучали по каменным ступенькам. Откроет она дверь своим ключом или позвонит? Нет, она просто постучала коротким стуком. Дверь открылась, снова закрылась, и наступила тишина. В саду пела какая-то птица.

Франсуа отвел рычажок, и крышка, подталкиваемая пружиной, открылась автоматически. Он быстро огляделся. Вроде бы ничего подозрительного. Он глубоко вздохнул и с трудом разогнул ноги и спину. Все тело одеревенело. Когда мальчик встал на землю, то сразу же оступился, и чтобы размяться, должен был сделать несколько движений. Он вытер лицо тыльной стороной руки и взглянул на часы. Без десяти четыре. Бледное солнце еще рисовало тени на гравии.

Франсуа не ошибся. Они действительно остановились перед домом владельца «остина». Все окна были закрыты. Он вспомнил о двери в кухню, которая еще недавно гостеприимно пропустила его в дом. Тихо, чтобы не привлечь внимания, закрыл крышку багажника и обогнул дом. Но на этот раз дверь кухни оказалась закрытой. Приложив руку козырьком к глазам, он заглянул в дом через окно. Никого! Мальчик осторожно повернул ручку, и дверь открылась.

На столе стояли грязные тарелки, наполовину опустошенная бутылка вина, а в углу из мусорного ящика выглядывали окровавленные бинты. Значит, господин Скиннер здесь!

Сердце Франсуа забилось от волнения и гордости! Значит, его догадки были справедливы и, увы, мисс Мэри виновна. Скорее предупредить инспектора Морриссона? Нет, сначала надо

самому во всем убедиться. Ведь эти окровавленные бинты ничего не доказывают. Может быть, во время того столкновения с грузовиком рыжий незнакомец был ранен? Может быть, мисс Мэри приехала, чтобы помочь ему?

Франсуа, как тень, скользнул по кухне, перешел в вестибюль. Остановился и прислушался. На втором этаже разговаривали. В него вдруг как будто вселился демон, он уже не мог себя сдерживать. Держась за перила, опираясь на них как можно сильнее, чтобы не заскрипели ступеньки, он поднялся вверх по лестнице и попал в коридор, из которого двери вели в разные комнаты. Разговор шел в первой комнате справа. Франсуа сделал два шага и приник к замочной скважине. К счастью, ключа в замке не было. Он увидел кровать и на ней господина Скиннера, неподвижного, с закрытыми глазами. Он мертв? Нет, конечно. Вряд ли они так спокойно разговаривали бы над трупом. Он просто спал. Может быть, его мучают? Нет, это невозможно. Мисс Мэри не сделала бы этого. Все-таки господин Скиннер был ее женихом.

Какая-то тень мелькнула в поле зрения Франсуа. Чье-то плечо, чей-то силуэт, кто-то приблизился к кровати. Тот самый рыжий тип. Он наклонился над раненым и обернулся, покачав головой. Появилась мисс Мэри. Она что-то объясняла, но что именно, Франсуа не мог разобрать. В то же время она делала резкие движения рукой. Нет, ждать более нельзя, надо вмешаться, и как можно быстрее!

Франсуа вспомнил, что в комнате первого этажа, похожей на кабинет, он накануне видел телефон. Пятясь он подошел к лестнице и начал спускаться по ней так медленно, как будто нес динамит. Наверху снова зазвучали голоса, а потом послышался стон. Господин Скиннер, видимо, пришел в себя. Может быть, он им сопротивляется?

Не думая больше об опасности, Франсуа быстро пересек вестибюль и вошел в кабинет. Тщательно прикрыл дверь. Если его кто-то услышит, все будет потеряно. Он знал, что, когда снимет трубку, звякнет звоночек, который, возможно, будет слышен на втором этаже. Он протянул руку к телефону и… снова ее отдернул. Ему вдруг стало страшно. До сих пор он вел себя смело, а сейчас просто трусил. Все-таки он был слишком юн.

Он наклонился над аппаратом и различил в центре телефонного диска белый круг, на котором было написано: «Тревога 9.9.9.» И тогда он уже решительным жестом снял трубку. Телефон звякнул. Но Франсуа быстро стал набирать номер. Он сидел спиной к двери и прижимал аппарат к груди, чтобы приглушить малейшее потрескивание диска, и пальцем возвращал диск обратно. Наконец из трубки прогремел в ухо голос полицейского.

— Алло, я вас слушаю.

У Франсуа не было времени, чтобы заранее заготовить нужные фразы, и он начал тихо бормотать в трубку.

— Говорите громче, — приказал строгий голос.

Его услышат на втором этаже. Теперь отсчет времени пошел на секунды.

— Я только что нашел место, куда отвезли господина Скиннера.

— Что?

— Господина Джонатана Скиннера, который прошлой ночью был похищен из госпиталя.

— Какого госпиталя?

Этот полицейский как будто желает его смерти!

— Не знаю какого! Расследование ведет инспектор Морриссон. Известите его тотчас же!

— Где вы?

— Я не знаю.

Полицейский на том конце провода был терпелив, но явно настроен скептически.

— Как это так? Вы не знаете, где вы? А кто вы такой?

— Какая разница, кто я…

Незаметно для себя Франсуа говорил все громче.

— Повторяю вам, что господин Скиннер в опасности. Прошу вас, определите место, откуда я звоню. Это пригород. Это серьезно! Надо немедленно предупредить инспектора Морриссона. Повторяю…

Позади него открылась дверь. Франсуа обернулся. Он ожидал увидеть рыжего, но на пороге стояла мисс Мэри.

— Это вы? — сказала она.

Франсуа продолжал держать трубку и слышал издалека голос, который шел к нему, как приветствие и поддержка: «Алло… алло…» Мисс Мэри пересекла кабинет, взяла трубку из рук Франсуа и положила ее на рычаг. Она смотрела на мальчика с удивлением, как будто поняла, что теперь с ним надо обращаться на равных.

— Куда вы звонили? — спросила она.

— В полицию. — И, блефуя, он добавил: — Они сейчас будут.

Около окна стояло большое кресло. Мисс Мэри тяжело опустилась в него. Она побледнела, вокруг глаз образовались сиреневые круги.

— Как вы сюда попали?

— Из багажника вашей машины.

— Вы меня подозреваете?

— Да. Той ночью я видел вас в саду.

— Чемодан? Это вы его забрали?

— Да.

— Где он?

— Я его спрятал.

Она машинально вертела на пальце обручальное кольцо. Молодая женщина была так растеряна, так несчастна, что Франсуа понял, что ему нечего бояться. Они ему ничего не сделают, потому что у него в руках этот таинственный чемоданчик с непонятным содержимым.

— Франсуа, — прошептала мисс Мэри, — я думаю, что будет лучше и для вас, и для меня, если вы вернетесь в Париж.

— Но вы же не его сообщница! — пылко вскричал мальчик.

— Я не могу вам ничего рассказать. Я не имею права.

— Почему накануне операции выкрали господина Скиннера?

— Не настаивайте.

Самообладание постепенно возвращалось к мисс Мэри, она снова становилась решительной и властной. Она поднялась и направилась к двери.

— Пошли. Ждите меня в машине.

— Но… человек… там наверху? Это не опасно для..?

Молодая женщина недоверчиво повторила:

— Опасно?

— Он причинил ему зло.

— Это вы, Франсуа, причиняете нам зло. Я знаю, что вы это делаете с самыми лучшими намерениями. Идите быстро в машину!

Она схватила его за руку и потянула за собой на улицу.

— Я сейчас вернусь.

Совершенно потерянный Франсуа сел в «даймлер». Наверное, он в чем-то ошибся. Ничего не происходит так, как задумываешь. Но ведь все факты налицо: сначала нападение, жертвой которого стал господин Скиннер, затем пропажа документов, затем кража предметов из салона, ночной эпизод с чемоданом и, наконец, похищение инженера. Все это вместе представляло собой уголовное дело, вдохновителем которого была мисс Мэри, потому что, в конечном итоге, она оказалась в этом доме, куда раненый, возможно для допроса, был доставлен силой.

Но тогда почему не вмешался рыжий? Почему он отпустил Франсуа? Если даже мисс Мэри не виновна, что же она затевает с похитителем ее жениха? Что для нее господин Скиннер ?

Мисс Мэри не выходила. Может быть, она помогала вынести раненого в глубь парка? Нет, подобных предположений лучше избегать. Франсуа размышлял: «Я все время придумываю какие-то несуразные объяснения происходящим событиям. Поэтому я все время и ошибаюсь. Все, выхожу из игры! В конце концов, я сделал все, что мог. Теперь надо остановиться».

На пороге дома появилась мисс Мэри. Она спустилась по ступенькам и, даже не закрыв дверь, быстро села за руль. Перед изгородью она резко затормозила.

— Откройте ворота, Франсуа.

Говорила она сухо, и Франсуа с детской растерянностью подумал, что сейчас она отвезет его в аэропорт, как багаж. Не говоря ни слова, он открыл ворота и сел в машину. Мальчик был ужасно задет тоном мисс Мэри. За несколько последних часов он пережил самые противоречивые

чувства, любопытство, страх, панику, сомнение, гнев и, наконец, унижение. И решил, что хватит ему Лондона, Скиннеров, Морриссона. Он посмотрел на часы: было шесть.

— Завтра утром я улечу, — сказал он.

— Никто вас не торопит.

— Как? Но…

— Подумайте о Бобе. Если вы уедете так внезапно, он станет докапываться почему. Не нужно, чтобы он знал…

— Вы боитесь?

— Не за себя. За него. Бедному мальчику не нужны новые потрясения. Я хочу вас кое о чем попросить. Обещайте, что сохраните в тайне все, что вы узнали. Мы вернемся вместе и скажем, что ездили за покупками.

— А господин Скиннер?

Лицо мисс Мэри дернулось, но она не ответила. Вскоре она остановила машину перед супермаркетом, и Франсуа поплелся за ней. Его считают годным только на то, чтобы носить пакеты! Как только у этой женщины хватает самообладания во всей этой ситуации заниматься выбором сортов стирального порошка, консервов тунца, банок с джемом? И это в то время, когда ее будущий муж находится в агонии где-то далеко. Франсуа отнес в машину два больших пакета, набитых покупками, и некоторое время спустя «даймлер» остановился перед гаражом. Боб ждал их в саду и сразу побежал к машине.

—Я рассчитываю на вас, Франсуа. Ни слова! — сказала мисс Мэри.

И открыла дверцу.

— Ох, Боб, помогите нам, мы так нагрузились!

— Вы меня бросили, — недовольно сказал Боб. — Я не знал, где вы.

— Это был бросок за покупками! — ответила мисс Мэри.

И она еще умудрялась шутить! Это показалось Франсуа просто кощунством. Лгать с таким апломбом! Ничто в ее поведении не показывало, что она только что испытала моменты жесточайшего волнения. Она спокойно объясняла госпоже Хамфри, какие консервы надо открыть к обеду.

— Что вы видели? — спросил Боб.

— Ничего особенного.

— Ты мог бы предупредить меня, что вы уезжаете. Я томился скукой, как… мертвая крыса. Если завтра папу найдут и все будет в порядке, я повезу тебя на Лондонскую башню.

— Завтра… — задумчиво проговорил Франсуа. — Ты забываешь, что мне надо возвращаться.

— Но не сразу же, — запротестовал Боб. — Ты же только что приехал.

— Да, но обстоятельства таковы…

— Да, конечно, я понимаю, — грустно сказал Боб.

Он умолк, стараясь не показать, как расстроен этим сообщением, а у Франсуа не хватало мужества его утешить. Зажатый между мисс Мэри и Бобом, он чувствовал неловкость.

— Смотри-ка, — сказал Боб, — инспектор!

По аллее шел Морриссон. Мисс Мэри и госпожа Хамфри остановились у входа в дом.

— Хорошая новость! — крикнул издалека инспектор. — Мы его нашли!

Все окружили его.

— Да, нашли, — гордо продолжал Морриссон. — Нам кто-то позвонил…

— Не стойте здесь, — прервала его мисс Мэри, — проходите в салон.

Соблюдая правила вежливости, она сочла неудобным продолжать разговор на улице, где их мог слышать каждый прохожий. Все вошли в салон. Одна только госпожа Хамфри с видом, полным достоинства, ретировалась на кухню, считая, видимо, что разговор не хотят вести при ней.

— В этом деле все странно, — сказал Морриссон. — Анонимный телефонный звонок… Нам сообщают, что господин Скиннер находится в одном доме, в пригороде. Опускаю детали, чтобы вам не докучать. Словом, мы запеленговали место, откуда звонили, и приехали туда. Господин Скиннер был там один, и все указывало на то, что его поспешно бросили.

Франсуа посмотрел на мисс Мэри, та отвела взгляд.

— Ему сделали что-то плохое? — воскликнул Боб.

— Нет. Но вы можете себе представить, в каком он состоянии. Мы отвезли его в госпиталь и приняли все меры предосторожности. Даю вам слово, что теперь он в безопасности.

— Вы говорили с ним? — спросила мисс Мэри.

Она, конечно, боялась признаний раненого.

— Конечно, — ответил Морриссон тоном, означавшим, что его не надо учить. — Но он ничего не знает. Вы помните, что он принял снотворное. Он смутно припоминает, что его поднял какой-то человек. Будучи только наполовину в сознании, он решил, что его несут в операционную. А потом он надолго уснул. Когда открыл глаза, обнаружил, что один в незнакомом помещении. А вскоре мы приехали. Вот и все.

«Нет! — чуть было не крикнул Франсуа. — Нет! Это не все!»

— Вы хотите что-то сказать? — спросил его Морриссон.

— Я? — Франсуа покраснел.

Холодные голубые глаза мисс Мэри буквально пригвоздили его к полу.

— Я просто подумал, что ведь этот дом кому-то принадлежит и что можно узнать…

Инспектор довольно резко его оборвал:

— Это сделано. Как видите, мы не теряем времени даром. Дом принадлежит майору Хендерсону, человеку вне подозрений, который в настоящее время находится во Франции, в Каннах. Дом с мебелью был снят через агентство неким Ласло Кароли, родившимся в Аргентине. Родители его были венгры. Он представил документы и заплатил деньги за три месяца вперед. Можно не уточнять, что мы, конечно, его уже разыскиваем, но не исключено, что эти документы были фальшивые. Кстати, молодые люди, я прошу вас заглянуть завтра ко мне в кабинет. У меня есть новые фотографии, которые я хотел бы вам показать.

— А операция? — спросил Боб, который с большим нетерпением слушал все пояснения инспектора.

— Она будет в самое ближайшее время. Возможно, даже завтра утром.

Теперь настала очередь мисс Мэри расспрашивать инспектора.

— Вы нашли в доме какие-нибудь улики? — спросила она с вежливым любопытством. — Следы, отпечатки пальцев?

— Наши эксперты сейчас там работают.

— А кто мог вам звонить? — спросил Боб.

Инспектор нахмурился.

— Я дорого дал бы, чтобы это узнать. Голос был приглушенный, говорили торопливо. По крайней мере, именно это отмечено в рапорте. Мужской голос с явно выраженным иностранным акцентом. Как видите, это не много. Иностранцев в Лондоне хватает! Господин Робьон, не принимайте всерьез эту мою неосторожную оговорку. Так вернемся все же к вопросу: кто звонил? Тут возможны разные гипотезы. Главное, что звонивший знал, кто такой господин Скиннер и что мне поручено вести следствие по его делу. Может быть, это был сообщник, которого мучили угрызения совести? Сомневаюсь. Или это был посторонний, который хотел отомстить? Это бывает часто. Пока же мы стараемся найти этого Кароли. Вот… Мне хотелось вас немного успокоить.

— Спасибо, — сказала мисс Мэри. — Главное, чтобы нам как можно быстрее вернули господина Скиннера. Я думаю, что нам не разрешат с ним повидаться до операции?

— Нет, и не рассчитывайте.

Инспектор ушел, и мисс Мэри после короткого разговора с госпожой Хамфри поднялась к себе наверх. Франсуа теперь вообще ничего не понимал. Поведение мисс Мэри показывало ему, что он, несмотря на ее слова, сказанные в машине, был здесь лишним. Мальчик решил улететь как можно быстрее. В то же время было не по-дружески покинуть Боба до операции или сразу после. Кроме того, они с Бобом должны зайти в Скотленд-Ярд. Значит, улетит он послезавтра. Франсуа взял друга за руку.

— Пошли на чердак, — сказал он. — Это идеальное место для разговора.

Как часто бывает в конце дня, солнце вдруг снова вышло из-за туч и косыми лучами через слуховое оконце осветило чердак. Боб уныло устроился на старом чемодане.

— Я знаю, — сказал он, — ты хочешь уехать.

—Я вынужден это сделать. Поставь себя на место мисс Мэри. Ты думаешь, ей приятно иметь обузу, которой надо уделять внимание в то время, когда у нее столько забот. Представь себе, что с моим отцом случилось бы что-то похожее в то время, когда ты был в Париже. Что бы ты сделал?

— Да… конечно, — сказал Боб. У него был несчастный вид.

— Пока ты здесь, — прошептал он, — я не так одинок.

— Послушай, ведь ты не один!

— Ты просто не знаешь. Даже с людьми, которых ты любишь, можно чувствовать себя одиноким.

— Ну что ты, старик!

Боб дышал тяжело. Он поднял на Франсуа глаза, в которых блеснули слезы, но потом взял себя в руки и произнес уже твердым голосом:

— Ну что же. Будем писать друг другу. Писать часто. Когда ты думаешь ехать?

— Послезавтра.

— Так скоро?

— Я позвоню в бюро Эр-Франс[23] и забронирую билет.

Они спустились вниз, и Франсуа отправился к телефону. Певучий голос в трубке ответил, что на рейсы ближайших четырех дней билетов уже нет.

— Ты остаешься! — вскричал Боб. — Ура!

[23] Французская авиакомпания.

ПИСТОЛЕТЫ

Лучше бы Франсуа не остался!

На следующий день звонок из госпиталя известил их, что состояние господина Скиннера вызывает беспокойство. Боб и мисс Мэри тотчас же уехали.

— Я тебе позвоню! — крикнул Боб из машины. — Никуда не уходи!

Франсуа проводил взглядом отъезжающих и, повесив голову, побрел в свою комнату. Его первый визит в Англию был полностью испорчен. Что будет, если бедный господин Скиннер… Его состояние ухудшилось, конечно, из-за того, что похитители возили его в машине. Если он умрет, что тогда будет с Бобом? Станет ли ему поддержкой мисс Мэри, если она в сговоре с врагами своего жениха?

Франсуа не мог отделаться от мысли, что он предаст Боба, если оставит его в такой тяжелый момент. Но как ему помочь? Отложить отъезд тоже нельзя. Возникла необходимость серьезно заняться раненым, который, возможно, вообще обречен. В такое время посторонний человек в доме просто помеха. Отныне он в доме лишний. Он становится назойливым. Что же предпринять? Ждать свободного места в самолете? А почему не вернуться морем? И вдобавок как можно быстрее! Это, пожалуй, самое правильное решение. Вместо того чтобы ждать, пока тебя отвезут в аэропорт, уехать самому, и тогда, когда захочется. Франсуа понимал меру своей ответственности. Все, сомнений больше нет.

Он спустился вниз, чтобы позвонить. Когда он закрывал дверь в кабинет, раздался телефонный звонок. Это, наверное, из госпиталя. Что-то ему сейчас сообщат? Он снял трубку и замер. Но это оказался не Боб, а инспектор Морриссон.

— Я один, — объяснил ему Франсуа. — Мисс Мэри и Боб уехали в госпиталь. Нам сказали, что состояние господина Скиннера ухудшилось.

— Я в курсе, — ответил Морриссон. — Послушайте… У меня дела в вашем квартале, поэтому будет лучше, если не вы приедете ко мне, а я к вам. У меня есть фотографии и кое-какие бумаги, которые я хотел бы вам показать.

— Расследование продвигается?

— Хм… Так себе. До скорого.

Франсуа положил трубку и принялся искать в справочнике телефон вокзала «Виктория». И очень быстро получил справку. Можно выехать поездом до Дувра в 15 часов, а оттуда в 17 часов как раз отходит пароход. Он возьмет такси, и не придется просить мисс Мэри отвозить его.

Он попытался закрыть чемодан, но это ему не удалось. Только его мать умела аккуратно укладывать вещи. Разозлившись, Франсуа плюхнулся на чемодан всем своим весом и кое-как закрыл его. Потом он с тяжелым сердцем спустился вниз и в ожидании звонка Боба стал прогуливаться по саду. Только услышав звонок, он влетел в кабинет.

— Это ты, старик? Ну, как?

— Знаешь, дела обстоят не блестяще.

Голос Боба дрожал от волнения.

— Что говорит хирург?

— Что операция прошла нормально. У них все всегда нормально, а потом возникают осложнения. Я вижу, что врачи беспокоятся. Говорят, что все в порядке, но меня не проведешь. Мэри долго разговаривала с хирургом. Меня они, конечно, до этого разговора не допустили. Она, как и врачи, все время притворяется и делает вид, что все в порядке. Она призналась мне, что он потерял много крови.

— Пулю извлекли?

— Да. Она у Морриссона. Знаешь, он приехал после операции первым. Кровь притягивает хищников.

— Ты видел Морриссона?

— Он уже уехал отсюда. Он хотел показать мне новые фотографии, но я его прогнал. Мне смешны эти его штучки. Он, видимо, начнет приставать к тебе.

— Ты останешься в госпитале?

— Да. Поскольку необходимо переливание крови, я предложил свою. У нас с папой одна группа. Чья кровь подойдет лучше, чем моя? Ведь это почти его кровь. Врач согласился. Пришлось уговаривать, но если я берусь за что-то… Ты же понимаешь, это ведь еще и большая моральная поддержка. Когда папа увидит, что я лежу рядом с ним… мне кажется (здесь у него задрожал голос), он поймет, что мы с ним пальцы одной руки, несмотря на все наши ссоры. Он обязан будет выздороветь для меня, для меня одного.

Вдруг он резко оборвал разговор и повесил трубку. Он не хотел плакать в телефон. Бедный Боб! Франсуа подумал, что должен помогать своему другу.

— Можно войти?

Франсуа подскочил. Это был инспектор Морриссон.

— Я говорил с Бобом, — сказал Франсуа. — Положение господина Скиннера не блестящее.

Инспектор вошел, снял шляпу, плащ и поставил на стол толстый портфель.

— Я знаю, — ответил он. — День действительно трудный. Но хирург надеется, а если он настроен оптимистично, значит, господин Скиннер выкарабкается.

— Это правда?

— Уверяю вас. Он сможет потом сказать, что вернулся с того света. Он получил такой кусок свинца, который мог бы его и прикончить. Посмотрите-ка сюда.

Он вынул из кармана маленькую коробочку, перехваченную резиновым жгутиком, и с большой осторожностью открыл ее. На куске ваты со следами крови лежала какая-то коричневая масса в форме закругленного конуса.

— Пуля, — сказал Морриссон.

— Но… она слишком большая! — удивился Франсуа.

— Вы не зря удивляетесь. Я видел пули, но эта слишком странная. Во-первых, у нее необычный калибр. И кроме того, необычная форма. Может быть, стреляли из иностранного оружия. Это нам выяснит наша лаборатория.

«Иностранное оружие… — подумал Франсуа. — А может быть… старинное оружие?»

Как будто пелена спала с его глаз. Дуэльный пистолет! Выстрел Боба в темноту… Нет, не может быть! Франсуа поспешил отмести эту абсурдную идею.

Инспектор вынул из портфеля пакет с фотографиями.

—Я прошу вас внимательно посмотреть. Может быть, среди них вы найдете Ласло Кароли?

Франсуа рассеянно разглядывал фотографии, продолжая думать о пуле и стараясь отогнать подозрение, которое все крепло. Ведь стреляли по вору, а ранен оказался господин Скиннер. Не хотел же он сам себя ограбить!

— Посмотрите вот на этого. Он как раз венгр.

Еще один бородач с волосами на манер хиппи, совсем не похожий на того рыжего.

— Нет, я никого не узнаю, — сказал Франсуа.

Морриссон был явно разочарован.

— Может быть, я скоро покажу вам еще другие фото.

— Но… сегодня я уезжаю. При таких обстоятельствах мне неудобно здесь оставаться.

— Да, — сказал инспектор, — я понимаю. Ну что же, тем хуже для меня. Я хочу попросить вас прочесть изложение событий, свидетелем которых вы были, и подписать. Это просто формальность.

Он протянул Франсуа два машинописных листа. Франсуа пробежал их глазами. Смысл слов доходил до него с трудом. В голове билась ошеломляющая мысль: «А что, если кражу совершил сам господин Скиннер?» Франсуа уже в этом не сомневался. Пуля была выпущена из дуэльного пистолета. Он вспомнил форму и размер пуль, которые показывал ему Боб. Стрелял Боб наугад, в убегающую тень, а это и был господин Скиннер. Значит… Это «значит» было как экран, за которым скрывалось что-то ужасное, и у Франсуа не хватало смелости отодвинуть этот экран.

— Подпишите вот здесь.

Инспектор протянул ручку, и Франсуа машинально подписал. «Значит»… Нет, лучше не знать. Бедный Боб, он ранил своего отца по ошибке! Это просто ужасно! А все остальное… Это уже тайна господина Скиннера. Разгадка где-то совсем близко…

— Вы летите самолетом?

— Что? — переспросил Франсуа.

— Вы летите, конечно, самолетом?

— Нет, уезжаю на поезде. В 15 часов.

— Значит, вы не увидитесь с господином Скиннером?

— Я не подумал об этом, — признался Франсуа.

— Хотите, я вас подвезу до госпиталя? Это мне как раз по дороге.

— Спасибо.

Машина инспектора была такой же старой, как «моррис» господина Скиннера. И Франсуа тотчас же вспомнил о чемоданчике с пистолетами, который так и остался лежать в багажнике.

Да, чемодан спрятан, но вдруг он попадет каким-нибудь образом в руки инспектора Моррисона, и тот опознает пулю, и бедный Боб поймет, что он стрелял в своего отца. Он этого не выдержит! Он всю свою жизнь будет мучиться раскаянием. Нет, этого не должно случиться. Никогда!

Франсуа обхватил лицо руками.

«Ради Боба я должен попытаться установить истину. Итак, я вынужден признать тот факт, что в ту ночь на вилле был именно господин Скиннер. Именно он унес красную папку, свое собственное досье, и тем самым изобразил ограбление. Зачем это ему было нужно? Может быть только один ответ: изобретение стоило дорого, и господин Скиннер хотел получить за него как можно больше. Ему, возможно, пришла мысль продать свое изобретение вторично. Но отец Боба не был нечестным человеком. Может, Меррил заставил его подписать контракт на невыгодных для инженера условиях? Кто может знать, что в таком случае происходит в сердце и уме несчастного человека? Возмущение? Протест? Отсюда и могла возникнуть мысль о возможном получении прибыли в другом месте. Но, поскольку в один прекрасный день станет явным, что у другого производителя появились автоматы, подобные тем, право на которые уступлено Меррилу, возникла необходимость разыграть спектакль и симулировать кражу папки с чертежами».

Теперь все ясно. По договоренности с этим Кароли, который, скорее всего, играл роль посредника, господин Скиннер разработал все детали операции. Это было задумано так: пункт первый — загримированный Ласло Кароли посещает виллу в отсутствие инженера, ведет себя странно, мальчики позднее должны об этом вспомнить и решить, что вор приходил на разведку; пункт второй — телефонный звонок во время обеда, Кароли и инженер обмениваются заранее заготовленными фразами, и инженер заявляет, что его снова приглашает Меррил, при этом он не забывает сказать, что он не узнает голоса Меррила, то есть возникает мысль о западне. А вот пункт третий оказался решающим и губительным для инженера. Господин Скиннер, не зная, что Бобу в театре стало плохо и что мальчики вернулись домой, приезжает на виллу, думая, что госпожа Хамфри легла спать и что он может вести себя свободно, С той лишь разницей, что в конце он должен наделать побольше шума, чтобы гувернантка его услышала. Ведь потом именно она станет для полиции главным свидетелем. Возникнет версия, что кто-то, скорее всего дневной посетитель, пробрался в дом с ключами, отобранными у инженера, когда тот ехал к Меррилу. Инженер же подтвердит, что на него действительно напали и оглушили.

Теперь Франсуа был уверен, что все произошло именно так. Ход его мыслей так точно совпадал с конкретными фактами, что другого решения просто не могло быть.

Он огляделся. Машина огибала незнакомую ему площадь. Кругом конторы и банки, по тротуарам спешат люди в шляпах, плащах, с зонтиками и портфелями. Но даже вид улицы не мог оторвать его от грустных размышлений.

Бедный господин Скиннер! Как он должен был испугаться, когда услышал на лестнице шаги мальчиков. Он со всех ног кинулся бежать к своей машине, в которой, возможно, его поджидал Кароли. Но, увы, не успел. Боб выстрелил. И тут в игру вступил случай. Выстрелив в темноту, скорее для острастки, Боб умудрился попасть в отца, когда тот, видимо, уже подбегал к машине. Вероятно, Скиннер и Кароли посовещались. Но выбора у них не было. Они подумали, что рана не опасна и можно слегка изменить сценарий. Кароли отвез своего компаньона в квартал, прилегающий к дому господина Меррила и, бросив машину и инженера, исчез вместе с красной папкой.

И тогда самым неожиданным и драматичнейшим образом нашла свое подтверждение версия о нападении на инженера и краже его папки. Господин Скиннер, конечно, не мог даже предположить, что сам станет жертвой своей затеи. Если полиция не найдет пистолет, то его вину

доказать не удастся. А если найдут… расчет инженера рухнет. Значит, надо постараться отвести в сторону полицию. Пока полиция идет по следу методично, но безрезультатно. Кароли, видимо, понял, что любой ценой ему надо спрятаться. А как быть с пистолетами? Их надо немедленно тоже спрятать, но как?

Без Козыря думает. Ведь он только сыщик-любитель, не привыкший докапываться до жестокой правды. Как помочь? И кто может помочь? Черт возьми, да, конечно же, мисс Мэри! Инженер никогда не сознался бы своей невесте в том, что он замыслил такую махинацию. А вот Кароли не был так щепетилен. Он тоже в опасности, значит, он должен все рассказать мисс Мэри и умолять ее о помощи. Как он может это осуществить? Позвонить ей по телефону? Заехать за ней? Впрочем, это не так важно. Главное, это то, что молодая женщина согласится на все ради спасения своего жениха. Доказательство? Да эта история с чемоданчиком! Она выкрала коробку с пистолетами. Но если исчезнут только пистолеты, возникнут щекотливые вопросы. И она забирает из салона еще ряд предметов: например мраморную руку, слона и малайский кинжал. Состав похищенных предметов будет таким абсурдным, что запутает следы.

Вот как объясняются события второй ночи. Все уснули. Мисс Мэри начинает спокойно действовать. Она забирает предметы из салона, прячет их в своей комнате, вырезает кусок стекла, отпирает задвижку окна, а потом поднимает тревогу. Никто ее заподозрить не сможет. А на следующий день она передает чемоданчик Кароли, который ждет ее на улице. Пистолеты исчезают, в поле зрения полиции они не попадут, и можно быть спокойными.

И тогда… Без Козыря покраснел. Как он себя теперь клянет! Своим вмешательством он все испортил! Если бы ему не пришла в голову эта идиотская мысль о слежке за рыжим незнакомцем, которого они засекли в коридоре госпиталя; если бы они не обнаружили дом, в котором этот человек жил; наконец, если бы они не выкрали чемодан, думая, что совершают героический поступок, то господин Скиннер был бы спокойно прооперирован, а мисс Мэри не страдала бы. Теперь он понял, почему она плакала в саду. И понял также, почему в присутствии Боба она притворялась спокойной и уверенной в себе. Она хочет спасти честь отца в глазах сына! Подумать только, как спокойно она принимала полицию! Как теперь перед ней оправдаться, как развеять ее подозрения в отношении него, Без Козыря? И как уговорить ее забыть все обстоятельства, связанные с домом Кароли и чемоданом?

Впереди была пробка, и Морриссон сбросил скорость, посмотрел на часы и закурил сигарету. Он тоже был погружен в свои мысли. И Франсуа вернулся к своим. Мальчик был недоволен собой. Он думал, что действует в пользу господина Скиннера. Они с Бобом даже не подозревали, что затеяли мисс Мэри и Кароли. Они решили помешать полиции завладеть пулей, которой был ранен Скиннер. А для этого надо было увезти его из госпиталя и сделать операцию в другом месте. Этот Кароли, видимо, был вхож в темные круги, и какой-нибудь ловкий хирург, конечно за вознаграждение, мог бы извлечь пулю. Вот почему они похитили инженера из госпиталя. Господин Скиннер был с ними в сговоре и дал на это согласие. Раз он содействовал своему похищению, тайны уже не было. Это именно он открыл окно палаты для Кароли, который в это время прятался во дворике. Боб и Франсуа заметили его, видимо, в тот момент, когда он только что договорился с инженером. Хоть раненый и принял снотворное, он вполне мог добраться до окна и открыть раму. А потом? А дальше все должно было произойти следующим образом.

Кароли, поддерживая инженера, подошел к запасному выходу, открыл дверь изнутри и положил Скиннера в «остин». Да, это должно было произойти именно так. Не упустил ли Франсуа чего-нибудь? Например, может быть, Скиннер не был так слаб, как казалось им с Бобом, и у него были силы передвигаться самостоятельно? А может быть, он просто не принял лекарство, назначенное врачом? Но эти «может быть» уже мало интересовали Франсуа. Главное, что он понял, как развивались события.

Господин Скиннер был привезен в дом Кароли, и в этом был их просчет. В дело вмешался Без Козыря. И на этот раз мисс Мэри признала свое поражение. Кароли скрылся, а полиция нашла инженера в таком состоянии, что еще чуть-чуть, и все могло плохо кончиться. Франсуа думал: «Меня хорошо приняли, Боб — замечательный друг, мисс Мэри — женщина, достойная самых больших похвал. А господин Скиннер… каков он? Не мне его судить. Но я, с моим вечным любопытством, внес смуту в ту семью. Я гаже всех на свете!»

Он был так полон угрызениями совести, что чуть было не открылся Морриссону. Но уж это было совсем ни к чему! Чемодан спрятан, пуля у Морриссона, но пока не найдется пистолет, он ничего не узнает. И наконец, имея в виду такой трагический оборот дела, иностранный фабрикант не захочет попасть под подозрение и, скорее все-го, откажется от идеи выпуска кукол-автоматов.

— А вот и госпиталь. Вы не болтливы, мой мальчик, — сказал Морриссон. — Вас высадить здесь?

— Да, пожалуйста.

Машина остановилась.

— Ну что же, — кивнул инспектор. — Доброго вам пути. И будьте спокойны, виновник будет найден и арестован.

Он помахал рукой и уехал.

Перед дверью палаты господина Скиннера стоял полицейский. Франсуа чуть было не пожал плечами. Ведь угрозы похищения инженера больше не существовало! Он постучал, и дверь открыла мисс Мэри. Ее лицо было озабоченно, и она с трудом изобразила улыбку вежливости.

— Вот видите, — сказала она с едва заметной долей упрека.

Господин Скиннер лежал с закрытыми глазами. Казалось, он спал. Рядом, на раскладной кровати, лежал Боб.

— Ему сделали переливание, — тихо проговорил он. — Мне было немного страшно, но оказалось не больно. Оказывается, что после этого я должен какое-то время полежать.

— Тише, — шепнула мисс Мэри. — Дайте ему подремать. Он очень ослаб, но есть шанс, что он выкарабкается.

— Я очень этому рад, — сказал Франсуа. — Значит, я могу ехать. Я поеду поездом до Дувра в пятнадцать часов. А потом, в семнадцать, сяду на пароход. Я хочу поблагодарить вас за все… Мне так жаль, что эти обстоятельства… Но сейчас… Может быть, в другой раз…

У него заплетался язык.

— Мы будем часто писать друг другу, — улыбнулся Боб.

— Это хорошо, — сказала мисс Мэри, которая, кажется, не любила, когда плакали. — Вы будете часто писать. Не сердитесь на меня, Франсуа, я хотела бы вас проводить, но сейчас это невозможно, так как…

Она не закончила фразы. Вошедшая в палату сестра пригласила ее в кабинет врача. Она быстро пожала руку Франсуа и вышла. Франсуа подошел к другу.

— Боб, старина, — сказал он, — нам не повезло. Хоть ты, по крайней мере, не сердишься на меня?

— Конечно, нет. Ты приедешь снова, вот и все.

Он повернул голову в сторону отца и улыбнулся.

— Когда он откроет глаза, он будет очень удивлен. Он считал, что я ни на что не гожусь. Но здесь я оказался кстати. Я дал ему свою кровь. Смотри, у него на щеках уже появляется румянец.

Господин Скиннер был бледен и дышал слабо, но Франсуа согласился.

— Ты прав, у него уже румянец.

— Мне так жаль с тобой расставаться, — пробормотал Боб. — Ты нас забудешь.

— Ну что ты!

— Послушай, возьми себе что-нибудь на память. Что хочешь. Что-нибудь, что будет напоминать тебе обо мне. Хочешь какой-нибудь рисунок? Хочешь… даже не знаю, что.

— Есть кое-что, что мне очень бы хотелось иметь, — сказал Франсуа. — Чемоданчик. Он по-прежнему в машине?

— Блестящая идея! — воскликнул Боб. — Чем быстрее мы забудем о нем после всего происшедшего, тем лучше! Увози, он твой.

— Спасибо.

— Дай руку.

Франсуа вложил свою руку в руку Боба, которую тот долго сжимал.

— А теперь уходи, — тихо сказал Боб. — Я закрою глаза, а когда я их открою, тебя здесь уже не будет. Жизнь — непростая штука. Моя куртка висит на вешалке. Ключи от «морриса» в левом кармане. Оставь их в машине. До свидания, Франсуа.

Франсуа на цыпочках вышел.

Вечером Франсуа, задумавшись, стоял на набережной в ожидании парохода. Но что это за женщина вышла из машины и спешит к нему? На ней раздувающийся от ветра голубой плащ. Да это мисс Мэри! Франсуа поставил на землю свой чемодан, а маленький чемоданчик продолжал держать в руках. Мисс Мэри сделала несколько шагов и остановилась.

— Я хотела вас поблагодарить. Вы поняли?

— Да.

— Вы решили отвезти чемоданчик во Францию?

— Нет, — сказал Франсуа. — Даже во Франции он не будет в безопасности. Никто никогда не должен узнать эту тайну, правда ведь?

Он оглянулся вокруг. Никого. Тогда Франсуа сильно размахнулся и бросил чемоданчик в воду.

— Он мой, — объяснил мальчик. — Боб мне его подарил. Я вправе распорядиться им, как хочу. Теперь вы можете быть спокойны. Инспектор Морриссон никогда не узнает, из какого пистолета была выпущена пуля и почему.

Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

— Франсуа… — пробормотала мисс Мэри. — Я плохо думала о вас. Простите. Можно, я вас поцелую?

По щекам у нее текли слезы, а лицо освещалось прекрасной улыбкой.